

A watercolor illustration of a woman in a red dress and hat standing in front of a rustic wooden house with a thatched roof. The scene is set in a rural, possibly mountainous, landscape. The woman is wearing a red dress and a red hat, and she is looking towards the viewer. The house has a thatched roof and several windows with yellow light inside. The overall style is soft and painterly.

Вера Мосова

*Не шей ты
мне, матушка,
красный сарафан*

Вера Мосова

**Не шей ты мне, матушка,
красный сарафан**

«Издательские решения»

Мосова В. Е.

Не шей ты мне, матушка, красный сарафан / В. Е. Мосова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747764-6

Роман «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» является первой книгой трилогии о жизни простой русской семьи Беловых. Он погружает читателя в жизнь уральской глубинки 70-х годов XIX века. Нехитрый быт, заботы и чаяния членов большого семейства, их стремление к счастью и борьба за него, а ещё и старые тайны, всплывающие в самые неожиданные моменты и круто меняющие жизнь героев, — всё это ждёт читателя на страницах увлекательного романа.

ISBN 978-5-44-747764-6

© Мосова В. Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Не шей ты мне, матушка, красный сарафан

Вера Мосова

© Вера Мосова, 2016

© Мария Лебедева, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Хмурое мартовское утро взорвалось пронзительным воплем. Спросонок Маруся не поняла, что происходит. Кричала Лушка, жена Ивана, старшего брата, который вместе с отцом был сейчас в отъезде. Хлопотавшая у печи мать уже спешила к ней за занавеску, сонная ребятня повскакивала с полатей.

– Ой-ёй-ёй, сыночек мой, голубочек! Да как же так? Да что же это такое? – причитала Лукерья в голос.

Плетеная зыбка была пуста, а заглянуть за занавеску Маруся не решалась. Она сообразила, что случилось что-то страшное с Гришенькой, её племянником, первенцем Лукерьи и Ивана. Вспомнила, что сквозь сон слышала, как младенец ночью громко плакал, потом замолчал. Видимо, Лушка положила его к себе и дала грудь.

– Ой, что же я Ванечке скажу? Ой, как же так? Боженька, за что ты меня караешь? За что, Господи?! – продолжала вопить Лукерья.

Из-за занавеси молча вышла мать с Гришенькой на руках, положила его на лавку и повернулась к застывшим в ужасе детям:

– Василко, беги за тёткой Тоней, скажи, обмыть надо.

Маруся, словно в тумане, видела, как младший брат метнулся к двери, сдернув с печки пимы и на ходу натягивая овчинный полушубок. Она смотрела на посиневшего Гришеньку и не могла поверить, что всё это правда, что нет больше её милого мальчика, который ещё вчера кривил губки, смешно причмокивал и тарачил свои глазёнки, когда она качала зыбку. Нет! Не может быть! Сейчас он откроет глазки. Он не мог умереть. Это ошибка. Он оживет. Вот... сейчас... Слезы застилали глаза, боль душила, а безумные крики Лушки совершенно сводили с ума. Сзади подошла Нюра, мягко приобняла её, и Маруся, повернувшись, уткнулась в плечо сестры.

Весть о том, что беловская сноха приспала ребеночка, мигом облетела околоток. Дело-то обычное, никого этим не удивишь. Бог дал, Бог взял. К вечеру вернулись мужики. Лукерья бросилась в ноги Ивану, причитала, каялась, что не сберегла сыночка. Он подошел к младенцу, сел рядом и уронил голову в ладони. Дом, погруженный в печаль, тихо мерцал лампадами, словно скорбел вместе со своими жильцами. Вдруг с улицы послышался звон колокольчика, и у ворот остановилась повозка. Прохор махнул рукой Васятке, как бы зазывая его за собой, и направился во двор встречать гостя. Горе горем, а работу никто не отменял...

Дом Степана Белова в далёком уральском заводе знает каждый. Большой пятистенник, рубленный еще его отцом, приветливо смотрит на мир всеми своими пятью окнами с затейливыми резными ставнями. Место выбиралось специально на самом въезде, по пути следования из Екатеринбурга в сторону Верхотурья. Просторный постоялый двор всегда готов принять путешественников, и редкая повозка не останавливается тут на отдых. Хозяева приветливо встречают гостя. Уставших лошадей распрягают, засыпают им овса. А путника приглашают к высокому крыльцу, которое переходит в длинную галерею с перилами, тянущуюся вдоль всей избы. Отсюда два входа в дом. Первая дверь ведёт в просторную горницу, где стоит большой стол и лавки вдоль стен. Пол застлан половиками, на окнах строчёные задергушки. Хозяйские дочери мигом разжигают самовар, подают наваристые щи, кашу и румяный домашний хлеб. Удобная лежанка, накрытая домотканым покрывалом с кружевным подзором, призывно манит к себе горкой подушек, обещая сладкий сон. В комнате всегда чисто и уютно, а потому и постояльцы часто останавливаются на отдых именно здесь, а порой и на ночлег остаются.

Во второй половине этой большой избы живет сын Степана Прохор со своим многочисленным семейством – женой Анфисой Игнатьевной и четырьмя отпрысками. Сам же Степан,

крепкий семидесятилетний старик с седой бородой и цепким взглядом карих глаз, овдовев, поселился в малухе. Тут у него и дом, и работа. Он каждый день топит небольшую печурку, в объемной колоде вымачивает лозу и плётёт на продажу корзины, туеса, большие решётки, с которыми бабы ходят на реку бельё полоскать. И сколько не звал его сын вернуться в дом, старик наотрез отказывается. В такой уединённой жизни обрёл он покой своей душе. Правда, внуки не дают ему поотшельничать вволю, постоянно топчутся тут же. Они любят смотреть, как дед работает, а еще больше слушать его сказы да притчи. Младший, Василко, пытливый парнишка двенадцати лет от роду, уже старается помогать Степану, осваивает его ремесло. Погодки Нюра и Маруся – девицы на выданье. Нюре исполнилось шестнадцать, и отец уже начал приглядывать ей жениха. Маруся годом младше. Обе девки справные, работящие, хорошая подмога матери по хозяйству. Старший внук Иван – человек семейный. Год назад привёл он в дом молодую жену, дочь заводского шихтмейстера. И всё вроде сладилось, и сыночка народили, Гришеньку. Да только радость нередко с бедою чередом идёт.

После смерти сына Лукерья совсем лицом почернела. Вину свою себе простить не может. Из дому не выходит, ни с кем не разговаривает, только всё молчит да вздыхает. А тут и масленичные гулянья подоспели. Весь посёлок ходуном ходит, гармошки играют, балалайки звенят, песни льются рекой. В каждом доме румяные блины на сковородах шкворчат да бутылки с бражкой распечатываются. Молодёжь гуляет- развлекается, на тройках катается. Нюре с Марусей так и хочется примкнуть ко всеобщему веселью, но бояться даже заикнуться матери об этом. Нельзя, траур в семье.

А как, бывало, весело проходили у них масленичные гулянья! Маруся всегда любила этот праздник, ведь он нёс с собой особый, неповторимый привкус грядущей весны. Отец доставал праздничную сбрую с бубенцами, запрягал Буянку в красивую кошёвку¹, на дугу с колокольцами девочки крепили бумажные цветочки, в гриву ленточки вплетали. На сиденье стлали телячью шкуру, поверх шубеек мать укутывала дочерей в большие дорожные шали, отец бросал им на ноги старую дедову ягу² для тепла. А Василке позволял сесть на передок, рядом с собой, и доверял ему вожжи. Весь завод, казалось, приходил в движение. Порой на улицах выстраивались целые санные поезда. И так это было лихо, задорно, что потом вспоминалось весь год.

– Разрешите, маменька, девушкам на гулянье пойти, – обратилась Лукерья к свекрови в последний день масленичной недели. – Они молодые, а молодым завсегда веселья хочется. Негоже им тут со мной горевать. Да и я себя еще виноватее чувствую, когда они дома томятся из-за моей беды. Пусть хоть на катушки сходят.

Глянула тогда Анфиса Игнатъевна на мужа, словно спрашивая его разрешения, а он только рукой махнул – пусть, мол, идут.

Обрадовались девицы, быстренько стали собираться. Кабы их воля, давно бы уже были они в центре веселья. За ними и Василко увязался, прихватив с собой деревянные санки, на которых можно поочередно катить друг дружку. Сегодня надо успеть побывать во всех самых оживлённых местах. Вот поперек Заводской улицы снежный городок выстроен, ребятня перебрасывается снежками, и лихие наездники скачут тут же. На базарной площади огромная Масленица стоит, ждёт своего часа, чтоб погибнуть в огне. Тут же идет бойкая торговля, дымятся самовары, играет гармонь. Но ребята уже бегут на Катушечную улицу, которая имеет сильный уклон, и в праздники превращается в чудесную забаву. Здесь всегда царит веселье. Катаются не только дети, но и взрослые. Вздывая снежную пыль, летят санки вниз, почитай, до самого конца улицы. А по бокам, вдоль домов, тянутся вверх вереницы людей, готовых

¹ Кошёвка (кошева) – широкие и глубокие сани с высоким задком, обитые кошмой, рогожами.

² Яга – тёплая шуба мехом наружу (устар.)

вновь с ветерком промчатся с горы. Они тащат за собой в гору кто сани, кто ледянки. Вот из одного дома высыпала на склон ватага подгулявших парней, двое из них несут в руках лавку, переворачивают её вверх ногами и вся орава плюхается на широкое сиденье.

– Ой, чо творят, окаянные! – доносится из толпы, – вот щас зубы-то повышшелкают!

– Неее, ничо не выйдет, не покатится она, – подхватывает другой голос, – навозом бы смазать да тонкого ледку наморозить, тогда другое дело!

В это время один из парней, ухватившись за крепкие ножки скамьи, толкает её, и вся компания с криками и улюлюканьем уже несётся вниз под дружный смех зевак.

Чтоб не ждать всяк своей очереди, на сани беловские ребята стали усаживаться втроём, обхватив друг друга за пояс. Впереди Василко, а позади Нюра, как самая старшая. А кому ж, как не ей? Ведь порой бывает, что сидящий последним на ходу вываливается из саней. Марусе досталось место посередине. И то хорошо, хоть снег в лицо не летит, только как повернёшь голову в один бок, так и катишься до конца. То ли дело сидеть первым, тут можно и санями управлять, если их заносить начнёт, но и в сугроб лететь тоже первым придётся. Зато как это весело – вместе мчаться с горы, вместе вываливаться в снегу. В гору тянули сани по очереди, чтоб никому не обидно было.

– Давай помогу! – вдруг обратился к Нюре какой-то высокий статный парень, ухватившись за веревку саней.

– Сама справлюсь! – ответила она, зардевшись.

Понимала девица, что неспроста он подошёл, давно заприметила его частые взгляды в свою сторону. Да и неудивительно, ею невозможно было не залюбоваться: от лёгкого морозца щёки разрумянились, огромные серые глаза горели восторгом, а выбившиеся из-под платка завитки волос красиво обрамляли её милое личико.

Парень всё не отпускал верёвку, и так шли они рядом: она – смущенно потупив глаза, он – весело поглядывая на неё. Странно, что парень был ей незнаком, хотя многих в посёлке Нюра знала. Он позвал Василку на свои сани, чтоб девушкам было удобнее кататься. Стали скатываться по двое в каждых санях. Тут и познакомились. Незнакомец представился Алексеем. Он сказал, что его санки сильнее катят, и позвал Нюру прокатиться с ним. С замиранием сердца садилась она перед ним, а когда новый знакомец обхватил её за талию, раскраснелась от приятного смущения.

Домой она возвращалась совершенно счастливая. Удовольствие от праздника в этот раз приправилось еще каким-то непонятым чувством. Тут было и радостное предвкушение, и лёгкое томление, и будоражащее ожидание перемен. Вечером Нюра долго не могла заснуть, всё виделись ей озорные глаза Алексея и его улыбка, добрая и слегка загадочная. Она ничего о нём не знала, но уже с нетерпением ждала новой встречи. Вот Великий пост закончится, а там и Пасха, гулянья да игрища, где, она была уверена, снова повстречается с этим парнем. Она носила в себе свою радость, лелеяла её и светилась изнутри. Только слепой мог не заметить этих перемен в ней да разве что Лукерья, по-прежнему живущая в кандалах своего горя.

Иван стал часто отлучаться из дому, чтоб не видеть мрачного лица жены, которая часами простаивала на коленях перед иконами. А потом и вовсе решил наняться на завод коновозчиком на время, пока санный путь не растаял. Отец был недоволен таким его решением. Зимой, свободные от полевых работ, они обычно вместе шорничали. Их упряжь отличалась своей добротностью и слыла в округе лучшей. Но сейчас все заказы были изготовлены, и Прохор протестовать не стал. Решил Иван поработать на завод, пусть поработает. А тот запрягал утром Буянку и уезжал в леса к углежогам. Возил древесный уголь для заводских печей. Однажды взял с собой Василку, уж больно тот его упрашивал, да и приобщать мальчика к работе надо.

Вернувшись из лесу, меньшей братец всё хитро посматривал на Нюру, а потом улучил момент и шепнул:

– Поклон тебе привёз от Алёшки, передать просил, что скучает.

– Вот ещё! – вспыхнула Нюра. – Чего выдумываешь!

– Ничего я не выдумываю, – обиделся Василко, – в лесу он, на Горевском, углежогом работает.

Сестра сделала вид, что эта новость ей совершенно неинтересна и скрылась за печью, гремя деревянной посудой, на самом же деле, просто поспешила спрятать от братца пылающее лицо и унять бешеный стук своего сердца.

Глава 2

– А девка-то у нас заневестилась, – сказал однажды Прохор жене, – пора бы и замуж выдавать. А там и Марьин черёд подойдёт. Есть тут у меня на примете один женишок, сын купца Никитина, хорошо бы как-то сладить это дело. Сговориться бы сейчас, а по осени и свадьбу сыграть можно.

– Эвон как ты замахнулся! Никитин теперь больше в Тагильском заводе торгует, у него и связи там, – откликнулась Анфиса Игнатьевна. – Да он в нашу сторону и не посмотрит. Не ровня мы ему.

– Так и мы не лыком шиты! Не последние люди в заводе! Хозяйство у нас крепкое, постоянный двор хороший доход даёт, да и пошорничали мы с Иваном за зиму неплохо, так что приданое дочери справим знатное, – попытался возразить Прохор Степанович.

– Нет, Проша, не выйдет. Ходят слухи, что он сынка своего к какому-то тагильскому купцу в зятя прочит, – спокойно возразила ему жена. – Нам бы кого попроще, чтоб сильно нос не задирали. Может, из заводских кого.

– Гольтьбу-то тоже не хочется. Надо отдать девку в добрую семью, в крепкую, чтоб горя не мыкала, сытно жила.

– А помнишь, надьсь³ постоялец был, из тагильских, чернявенький такой, на тройке? В Верхнетурицкий завод направлялся. Он уже не впервой останавливается, всё с Нюры глаз не сводит. Небось, на обратном пути опять заедет. Присмотрелся бы ты к нему да поспрошал, чьих он будет, куда ездит, чем занимается. Может, холостой окажется. Чем чёрт не шутит... Только вот думаю, опять нервня. На тройках разъезжает!

Маруся, случайно услышавшая этот разговор, передала его сестре. Нюра нахмурилась:

– Не нравится мне этот постоялец, больно уж у него глазки масляные. «Ах, Анна, позвольте Вашу ручку поцеловать! Ах, Анна, Вы разбили мне сердце! Ах, я умру, если Вы не улыбнётесь!», – передразнила она молодого человека.

– А вдруг он в тебя влюбился? – не унималась сестра.

– Да я уверена, что он влюбляется во всех и всегда. Ветреник он! – убедительно сказала Нюра. – Не отдаст меня тятенька за него!

– Станет он тебя спрашивать, как же! Вспомни, как Ивана женили! Уж как он свою Алёнку любил, как отца умолял, чтоб позволил на ней жениться. Нет, он Лушку ему просватал. Зачем, мол, нам голытьба всякая! Ты думаешь просто так Господь нашего Гришеньку забрал? Нет, не просто! Это кара нам Божья за погубленные души. Алёнка-то, когда себя порешила, говорят, тяжёлая была, Ванькин это ребёночек был, не иначе!

– Да что ты такое говоришь-то, Маня!? – всплеснула руками Нюра.

– А знаю, что говорю! Бабы на реке судачили, думали, я мала еще, ничего не понимаю. А я коромысло на плечо и иду, как ни в чём не бывало, будто ничего не слыхала.

– Ой, Марусечка! Неужели это правда?

– Девки, ставьте самовар! – крикнул со двора отец, прервав их разговор, – гость у ворот!

За окном и впрямь был слышен звон бубенцов, и вскоре на пороге появился мужчина средних лет с лёгкой проседью на висках. Сёстры предложили гостю раздеться, подали ему в горницу обед и отправились, было, к себе, чтоб продолжить прерванный разговор, но мужчина их остановил.

– Как вас звать-величать, красавицы? – спросил он, с интересом разглядывая девушек.

Сёстры смутившись, назвали свои имена.

– Стало быть, Анна да Мария? А кто же из вас старшей будет?

³ *Надьсь* – на днях, недавно (устар.)

– Я, сударь, – смущённо ответила Нюра.
– А годочков тебе сколько, милая?
– Семнадцатый пошёл.
– А обучены ль вы грамоте, девицы?
– Обучены, сударь, в церковно-приходской школе учились, – ответила Маруся, которой не терпелось поскорее сбежать от назойливого постояльца.

Тут вошла Анфиса Игнатьевна узнать, не желает ли гость отведать наливочки клюквенной, и сёстры, воспользовавшись этим, шмыгнули в дверь. Они уже привыкли, что гости, намолчавшись в дороге, заводят с ними беседы, и не придали особого значения этому разговору.

Девицы уселись за рукоделие, и Нюра опять пригорюнилась. Неужели, батюшка и впрямь выдаст её замуж против воли? А как же Алексей? Вот бы он вперёд посватался! За него бы она с радостью пошла. Василко сказал, что он там скучает. Хоть бы уже вернулся поскорее. В порыве откровения Нюра поделилась с сестрой своей печалью, своей тоской по Алексею. Маруся и сама давно догадалась, да только виду не показывала. Она утешила сестру, напомнила, что завтра воскресенье. Может, он в церкви будет...

Но дни шли, а Алексей всё не появлялся. И весточки больше не слал. Братья уже не ездили к углежогам, закончили свою работу, не хотели мучить Буянку по весенней распутице. Под окном появились первые проталинки, запахло прелой травой, оживились птицы. Вот уже и Вербное воскресенье позади, и страстная неделя заканчивается, полным ходом идут приготовления к Пасхе. Только Нюру это нынче не радует. А вдруг всё случится так, как Маруся сказывает? Отдаст её отец замуж против воли, и не видать ей больше Алёшеньки никогда.

Утро Пасхи выдалось ярким, солнечным. Анфиса с Лукерьей уже хлопочут у печи. Запах пирогов пробуждает остальных домочадцев ото сна. Нюра сладко потягивается и первой слезает с полатей. За ней следом Маруся, а Василко еще прикидывается спящим. Ему совсем не хочется вставать.

Дом сияет намытыми полами и лавками. Сёстры весь Чистый четверг оттирали их с песком, скоблили ножами. Как приятно ступать босыми ногами по тёплым половикам: светлая полоска, темная, светлая, темная! На окнах слепящие белизной накрахмаленные занавески. На столе уже стоят освященные накануне яйца и куличичи. Все улыбаются, христосуются, и на душе становится светло и радостно.

Днём Василко взял печеных птичек и побежал со своими дружками на Вознесенскую горку весну кликать. Вернулся радостный. Сидит за чаем и опять, как в прошлый раз, хитро посматривает на Нюру. Она смекнула, что он ей весточку принёс от Алексея, и нашла заделё⁴, чтоб уединиться с ним во дворе.

– Алёшку видел, – начал брат, – велел передать, чтоб ты на гулянье обязательно пришла, вечером на горе хороводы водить будут.

А сам посмеивается, глядя на сестру.

– Ещё он тебе одну вещицу послал, – продолжал малец, хитро сощурился, – да только я отдам тебе с одним условием. Обещай, что выполнишь его.

– Как же я тебе пообещаю, коли не знаю, чего ты хочешь? – удивилась Нюра.

– А ты пообещай, потом скажу! – не унимался братец.

– Ну, ладно, обещаю, – улыбнулась сестра. – Говори, чего тебе надо.

– Возьмите меня вечером с собой, когда пойдёте с Марусей на гулянье.

– А если тебя маменька не отпустит?

– А ты попроси маменьку за меня.

– Хорошо, я попрошу, – пообещала Нюра.

⁴ *Заделёе* – предлог, повод (устар.)

Василко разжал кулак – на его ладони лежало простенькое колечко с бирюзой. Дыхание враз перехватило. Дрожащей рукой взяла она кольцо и надела на палец. Полюбовалась на него, отведя руку в сторону, а потом сняла и схоронила в укромное местечко до вечера.

К гулянью сёстры готовились загодя. Вплели в косы яркие ленты, надели новые сарафаны-косоклилки с широкими подолами. Тятенька не пожалел денег на материю, наряды выглядели богато. Так уж заведено, что по ширине подола судят о состоянии семьи, а Степан Белов был мужик зажиточный, значит, и наряды дочерей должны соответствовать. Сверху накинули отороченные беличьим мехом кацавейки, которые отец привез зимой с Ирбитской ярмарки. Хоть солнышко днем и пригревает, вечера пока стоят холодные. Василке тоже позволили пойти на гулянье, но строго под приглядом сестёр. Выйдя из дома, Нюра надела на палец заветное колечко.

Алексей встретил её широкой улыбкой, отчего девушка сразу зарделась. Он обратил внимание на свой подарок на тонком пальчике. Значит, приняла она его, не отказалась. Может, и он ей люб, как она ему. Парню не терпелось поговорить с Нюрой о своих чувствах, и он потихоньку отвел её в сторонку от песен и хороводов. Стал говорить, как скучал по ней, как она ему во снах являлась. Нюре были приятны такие речи, слова милого бальзамом лились на истосковавшееся сердце. Да ещё он взял её ладони в свои, нежно поглаживал их и заглядывал в самые глаза. Девушка испытывала что-то странное: было и боязно, и сладко одновременно. К тому же она совсем ничего о нём не знала, и попросила рассказать, откуда он тут взялся и почему она его раньше никогда не видела.

Рассказ парня оказался невесёлым. Алексей был сиротой. И жил он прежде в Тагильском заводе. Отец его имел небольшую лавку, где торговал скобяными изделиями. Матери он почти не помнил, она умерла, когда он был совсем маленьким. Был у него еще старший брат, которого отец к своему делу приобщил, а Алексея в школу отдал, чтоб он грамоту знал, а потом в горное реальное училище определил. Так и жили они втроём, но вот брат женился, и в доме появилась женщина, хозяйка. Однажды отец простыл в своей лавке, где работал целыми днями, и тяжело заболел. Долго мучился, но так и не поправился, помер. Пришлось Алексею оставить училище. Стали братья вместе отцово дело продолжать. Только жена брата всё придиралась к Алёше: и дармоед-то он, и неумеха. А однажды чего-то такого наговорила мужу, что тот разъярился да и выгнал Алексея из дому. Помыкался он тогда, бедолага, то тут поработает, то там. Ел, что Бог пошлёт, спал, где придётся. А потом отправился сюда, к тётке, материной сестре. Она женщина одинокая, вдовая, приняла сироту, помогла на работу устроиться. Муж её, покойничек, углежогом был, вот она и присоветовала ему это дело. Работа, мол, непростая, но интересная, усердия большого требует и мастерства. Да и Алексею так удобнее – живет в лесу, тётке не докучает. Одного жаль – с Нюрой редко видится. Разве ж знал он тогда, что увидев её впервой, влюбится навеки.

Так они и ворковали, пока Маруся не кликнула сестру домой собираться. А дома ждала их новость. За ужином отец объявил, что тот господин, который недавно беседы с девушками вёл, имеет намерение жениться на одной из них. Сегодня он возвращался домой и заглянул ненадолго. Зовут его Смирнов Павел Иванович, живет аж в самом Екатеринбурге, служит при Главной заводской конторе, оттого и часто в разъездах бывает по заводам. Он вдовец, жена умерла в родах вместе с дитём пять лет назад. Имеет свой дом и прислугу. Хочет жену скромную и простую, чтоб без всяких там капризов. Наши девицы ему очень приглянулись. Отец сказал, что готов отдать за него непременно старшую дочь, так как негоже младшей вперёд замуж идти. Но только не сейчас, впереди посевные работы, огород, сенокос, а уж как урожай будет собран, самое время и свадьбу играть. Пока официального сговора нет, пусть молодые поближе познакомятся, пообщаются. Через недельку он опять приедет, но уже не по делам, а погостить. Вот тогда дело и сладится.

– Но он же старый такой! – воскликнула Маруся.

– Не старый, а зрелый и опытный! – строго проговорил отец. – Ему еще и сорока нет, вполне подходящий возраст. Не за мальчика же безусого мне дочь отдавать!

Нюра сидела, пригорюнившись. Вот и кончилась их с Алёшенькой любовь, едва успев начаться. Права была сестрица, не отдаст её отец за Алексея, тем более теперь, когда такой видный жених появился. Иван, в это время вернувшийся с Лукерьей от её родителей, подошёл к сестре и ободряюще погладил её по плечу. Как никто другой, понимал он её сейчас. Он ведь тоже не слепой, видел, как светилась она, понял, что влюбилась девка. А тут вся сникла, в глазах печаль и страх.

Глава 3

Назавтра дед Степан отправился на рынок со своими корзинами. Василко вызвался ему помогать. Собрали корзины в две вязанки: одну, побольше, закинул за плечо дед, вторую – внук. Так и пошли вдвоём – старый да малый. Мать велела дочерям пойти в галантерейную лавку, прикупить ниток да иголок. Хоть приданое и давно шьётся-вышивается, да теперь надо с новыми усилиями за работу приниматься, поспешать, чтоб к осени сундуки полны были.

– Да поглядите там мануфактуру! – наказывала она сёстрам, – нет ли красной материи на сарафан, нето придётся ехать за ней куда-нибудь. И тесьму тоже гляньте, и широкою, и узкою.

– Может, не стоит пока торопиться с сарафаном? – робко спросила Нюра.

Предстоящее сватовство пугало её, не хотелось ничего слышать ни о нём, ни о связанных с ним хлопотах.

– Нет уж, лучше загодя приготовить, летом некогда будет рукодельем заниматься, – ответила мать, – я ведь не велю вам купить, а только присмотреть, выбирать я сама буду.

Так уж заведено, что после свадьбы молодуха должна ходить в красном сарафане до той самой поры, пока не разрешится первенцем. А уж потом можно и юбки с блузами носить, что стало теперь очень распространено. Молодайки надевают по несколько юбок сразу, как Лукерья, например. Чем больше нижних юбок – тем богаче семья, это все знают. Но Нюра не могла сейчас думать о нарядах, как, впрочем, и ни о чём другом. Мысль о том, что скоро закончится её беззаботная девичья жизнь, пугала. Кабы за Алёшу её выдавали, так она бы радовалась этому, птичкой бы порхала, ждала бы с нетерпением счастливого часа. А тут чужой дядька, немногим моложе отца. Есть, отчего кручиниться. Сёстры молча шагали в лавку, обходя остатки весеннего слежавшегося снега и грязные лужи. Марусе было так жаль сестру, что она вдруг сказала:

– А хочешь, я попрошу тятеньку, чтоб он меня вместо тебя выдал?

– Да что хоть ты такое говоришь-то!? – всплеснула руками Нюра и повернулась к ней.

Как же прекрасна была сестрица в своём порыве выручить её из беды! Руки сжались в кулаки, щёки разрумянились, а широко распахнутые карие глаза горели решимостью. Сёстры, хоть и были внешне очень похожи, но различались цветом волос и глаз. Маруся была и лицом смуглее, и коса её была тёмно-русой, в отличие от светлой Нюриной. Но главное её отличие было в более вольнолюбивом, решительном характере. Маруся схватила Нюру за руку и воскликнула:

– А что, я же всё равно ни в кого не влюблена! Зато тебя спасу!

– Глупая ты, Марусенька! Не за этого, так за другого меня тятенька отдаст, только не за Алёшу, он ведь сирота, гол как сокол! Сама же говорила, что отцу это не понравится. А ты ещё встретишь своего суженого. Может, хоть у тебя всё сладится по любви, – возразила она сестре.

Девушки уже купили всё, что хотели, когда отворилась дверь, и в лавку вошёл Алексей.

– Мне Васятка сказал, что вы тут, вот я и поспешил вас застать, – сказал он после приветствия, – мы с ним на рынке встретились.

Глаза Нюры осветились радостью, сердце учащенно забилося. Он специально шёл сюда, чтоб увидеться с ней! Все вместе они вышли на улицу.

– Брат твой сказывал мне, что замуж тебя хотят выдать, – обратился к Нюре Алексей, в глазах его застыла тревога. – Я хочу пойти к твоему отцу, в ноги кланяться, просить не отдавать тебя. Мне ведь без тебя жизни нет. Как же могу я выпустить из рук своё счастье?

– Как бы хуже не вышло, Алёша. Тятенька у нас крутого нрава. Если что не по нём – не перешибёшь! – тихонько возразила Нюра.

– Так ведь надо хоть попытаться! Чем чёрт не шутит! Неужель мы с тобой сами от своего счастья откажемся? Или я тебе совсем не люб?

– Люб, конечно! – воскликнула Нюра и тут же покраснела от своей смелости, опустила глаза.

Сердце её заныло от недоброго предчувствия.

– Может, всё-таки не стоит к отцу идти? – робко спросила она.

– Стоит, Нюра! – уверенно сказал Алексей, как отрубил.

– Боюсь, отец только сильнее упрется. И что тогда? – умоляюще посмотрела она в его глаза.

– Тогда я выкраду тебя!

Она только ахнула и опустила глаза. Маруся взяла сестру за руку и потянула за собой.

– Так я сегодня буду у вас! Ждите! – крикнул вслед Алексей.

И он сдержал своё слово. Разговор с Прохором Степановичем состоялся во дворе, и Нюра знала о нём лишь со слов братца, который всегда вертелся рядом с отцом или дедом.

– Тятенька посмеивался над Алёшкой, – рассказывал Василко, – сказал, вот когда у него будет дом, в который он сможет молодку привести, пусть тогда и свататься приходит. А Алёшка сказал, что пойдёт к старателям под Шумиху, золото мыть, что к осени у него будет и дом, и деньги. А тятенька ему, мол, ждать не обещаю, посватают – отдам! Алёшка в ответ: «Вы родную дочь погубить хотите, она меня любит!» А отец: «Как любит, так и разлюбит!»

По мере его рассказа Нюра все больше мрачнела. Со страхом ждала, когда тятенька в избу воротится.

Прохор зашёл в дом и крикнул жене:

– Девоч больше ни на какие гулянья не пускать! Хватит, набегались! Пусть дома сидят, рукодельничают! Ишь, соплюхи, кавалеров себе завели! Не хватало нам этих голодранцев! Еще, чего доброго, в подоле принесут, осрамят на весь завод! Вот замуж отдадим, пусть им мужья волю и дают! А у меня чтоб из дому ни ногой! Любовь у них! Мать твою так!

Нюра сидела на лавке, втянув голову в плечи и опустив глаза. Василко – рядом с ней. Маруся норовисто фыркнула и загремела посудой, готовясь подавать к ужину. Лукерья ушла к себе за занавеску и тихо всхлипывала там о своём. Ивана, как всегда, не было дома.

Вечером Анфиса вполголоса увещевала мужа:

– Ну, и чего ты разошёлся? Какая собака тебя укусила? Или забыл, как сам был молодым?

Они сидели на своей кровати за деревянной заборкой, которая отделяла их угол в избе, и тихо разговаривали.

– Вспомни, как ты меня отвоёвывал у других ухажёров, как старался отцу моему доказать, что я за тобой не пропаду, – продолжала жена.

– Так я ж тебя любил! – возразил ей Прохор.

– А твоя любовь не такая, как у других? Особенная какая-то? И Нюру любят, и, может, не меньше, чем ты меня когда-то. Чего ж гневаться-то? Дело молодое. Дочери у нас красавицы, в них грех не влюбиться.

– Страшно за них, Фисушка, – вдруг совершенно растерянно произнёс он и обнял жену. – Хочется для них лучшей доли. Мудрая ты у меня, понимающая. Не зря я за тебя бился когда-то!

– Мы с тобой тогда оба молодыми были, у нас и разницы-то всего шесть годков. А Нюру ты хочешь старику отдать.

– Да какой он старик! – возразил ей муж. – Мне сорок восемь, и я еще ого-го! А он и того моложе!

– Но у них разница в возрасте лет двадцать будет! Это немало!

– Зато будет жить наша Нюра, как у Христа за пазухой. Жених обещал беречь её, не обижать недобрым словом.

Послышались нетвердые шаги Ивана, потом шёпот Лукерьи. Слов было не разобрать, но понятно, что она ему выговаривает, плачет.

– Опять сынок в кабаке был, – со вздохом вымолвила Анфиса.

Прохор молчал. Она продолжала:

– Говорят, он на кладбище часто бывает.

– Понятное дело – сын у него там. Непросто ему сейчас, – выдавил Прохор.

– А когда ему было просто? Когда ты его силой на Лукерье жениться заставил? Или когда Алёнку хоронили? А ведь он её любил. Да и теперь, наверно, любит. Мертвых-то порой сильнее любят, чем живых. Мёртвые-то, Проша, уже не дадут повода в себе разочароваться. Да и первая любовь она такая, она жить спокойно не даёт. Люди говорят, Ваня часто ходит на её могилку. Загубили мы парню жизнь, ой, загубили, Проша.

– Да не каркай ты, мать, еще неизвестно, как бы он с этой Алёнкой жил. Всё наладится, вот увидишь!

– Ну, дай Бог!

А на полатах в это время шепталась молодёжь.

– Нюр, а ты, если за того дядьку замуж выйдешь, ты от нас уедешь? – спросил Василко.

– Придётся уехать, – со вздохом ответила сестра.

Маруся в это время с силой ткнула братца в бок и погрозила кулаком, мол, сестре и так тошнёхонько, ещё он тут с глупыми вопросами.

– А как же мы без тебя останемся? – не унимался он.

– А вот так и останемся! – рявкнула Маруся. – Спи давай, не приставай к сестре!

– А нельзя что ли всем вместе жить? Иван вон тоже женатый, а живёт с нами! – недоумевал малец.

– Нельзя, Василёк, – Нюра протянула руку и погладила братца по голове. – Мужчина всегда жену в свой дом приводит, или в родительский. Так заведено.

– А Екатеринбург – это далеко?

– Далеко, братец, – вздохнула Нюра. – Но ты будешь приезжать ко мне в гости.

Она только сейчас вдруг осознала, что замужество разлучит её не только с Алексеем, но и с родной семьёй. И ей стало страшно. Как же она будет жить одна в чужом доме, в чужом городе?

Тут отец цыкнул на них, и дом погрузился в тишину. Каждый лежал и думал о своём. Вскоре дыхание Васятки стало ровным, он всё более погружался в сон. Засопела и Маруся. Только Нюра никак не могла заснуть, погружённая в свои печальные думы. Перед глазами стояло лицо Алёшеньки. Как же он сегодня смотрел на неё! Глаза, всегда такие озорные, тревожно помрачнели, брови хмуро сдвинулись. Губы сомкнулись в упрямую складку. Нюра смотрела на него с замиранием сердца. До чего же он хорош, её сокол! Крупные русые кудри выбились из-под картуза. Ей вдруг так захотелось прикоснуться к ним, провести рукой по непослушным завиткам, что она даже сама испугалась такого смелого желания. Сейчас, вспомнив об этом, она невольно улыбнулась. Мысль унеслась во вчерашний счастливый вечер на фоне песен и хороводов. И лицо Алексея было совсем другим: глубоко посаженные серые глаза в обрамлении чёрных ресниц светились радостью, губы, не переставая, расплывались в счастливой улыбке, и даже ямочка на его подбородке была тоже какой-то весёлой.

Тут мысль её перескочила на вчерашнего гостя. Она толком и не запомнила его лица. Неужели ей и впрямь предстоит стать его женой? И она будет называть по имени этого чужого мужчину, который ей в отцы годится? И ей придётся делить с ним постель, рожать ему детей? Нет, она к этому не готова! Только одному человеку смогла бы она отдать всю себя без остатка. Только с ним поделила бы свою жизнь, каждый свой день, каждый час, каждую минутку. И делала бы это с радостью.

Но как же ей теперь-то быть? Может, рассказать всё маменьке? Поможет ли она? Поговорит ли с отцом? Нюра знала, что мать никогда вслух не оспаривала его решений. Но нередко слышала, как они что-то обсуждают вместе перед сном, тихонько, чтоб не мешать засыпать детям. Видела, что отец, при всей его горячности, как будто остывает под спокойным взглядом матери. Он уважает её и нередко считается с её мнением. Вспомнилось вдруг, как прошлой зимой матушка заболела. Отец места себе не находил. Загнав Буянку, мчался за городским доктором, когда местный фельдшер развёл руками. Скакал в аптечную лавку за микстурой, на пасеку за свежим мёдом. Как они все тогда испугались! И тут до неё дошло: а ведь отец по-прежнему любит мать! Может быть, не так, как в молодости, как-то по-другому. Но он без неё не мыслит своей жизни. Они, полюбив друг друга много лет назад, по-прежнему счастливы вместе, несмотря на разлады, которые порой и промеж ними случаются. Он женился на той, которую любил! А Нюру готов отдать первому встречному! Как же так? Горючие слёзы полились из глаз, закапали на подушку.

Нюра встала, накинула шубейку и тихонько вышла на крыльцо. В конуре зашевелился Полкан, загремела цепь. Луна освещала двор, ларь с овсом, телегу с торчащими вверх оглоблями и плетёный короб, наполненный сеном. Неслышно открылась дверь, сзади подошла мать, обняла Нюру и стала нежно гладить её по голове. Так они и стояли, опираясь на перила и согревая друг друга своим теплом.

Глава 4

Последние дни апреля стояли хмурыми. Хмуро было и на душе у Нюры. Алёша пропал, никакой весточки от него нет, и она не знает, подался ли он к старателям или опять к углежогам уехал. Отец ходит смурной, на Нюру совсем не глядит, а она боится подступать к нему с разговорами и усердно хлопочет по хозяйству, чтоб не оставалось времени на тоску-печаль. Вышла в огород с помойным ведром, вдохнула весенний воздух и огляделась по сторонам. Чёрные гряды совсем очистились от снега, только на меже да возле баньки еще видны его остатки. На крыше нового скворечника, сделанного Василкой, сидит парочка скворцов. Посто-яла немного, полюбовалась птицами, послушала их залиvistые трели. «Вот и у них любовь, – подумалось Нюре. – Как же им хорошо: они вольны любить без всяких запретов. Никаких вам сватов, никакого приданого и красного сарафана». Вздохнула, выплеснула ведро на навозную кучу и пошла обратно. Навстречу с крыльца спешит встревоженная мать, в руке ведро с тёплой водой, от которого идёт пар, и чистая тряпица. На удивлённый взгляд дочери только махнула рукой – ступай, мол, не до тебя сейчас.

– Зорька телится, – пояснила ей Маруся, когда Нюра вошла в дом, – чего-то там у неё не заладилось, она ж первотёлок. Помогают они ей, телёнка вытягивают.

Нюра встревожилась за красавицу Зорьку. Вроде и привычное это дело, но всегда тревожное. Чёрная комолая корова кличке Ночка, Зорькина мать, отелилась еще до Масленицы, произведя на свет милую тёлочку с белым пятнышком на лбу, похожим на звёздочку. Её так и называли – Звёздочка. Теперь вот пеструшке Зорьке время подоспело. Хоть бы всё обошлось.

Сёстры сели за пядьцы в напряжённом ожидании. Воскресный день, в доме стоит тишина. Иван с Лукерьей с утра запрягли Буянку и отправились в соседний завод, пройтись по лавкам. Надо купить Лушке сапожки. Мать заказала им разной мануфактуры да лакомств каких-нибудь. Отец велел присмотреть новую борону к посевной. В доме пусто. Василко с утра в малуху к деду убежал, корзинку там плетёт. Сёстры то и дело поглядывают на дверь, ждут, когда мать с доброй вестью войдёт. О том, что весть может быть и недоброй, стараются не думать.

И надо же такому случиться, что именно в это время пожаловал важный гость! К воротам подкатила красивая лёгкая повозка, а из неё вышел Павел Иванович. Нюра враз побледнела. Она знала, что когда-то он должен приехать, но день не был оговорён, да и – чего уж греха таить – она очень надеялась, что он про неё забудет. Мало ли невест в большом городе! Ан не забыл!

– Сиди тут! – решительно приказала ей младшая сестра. – А я выйду, встречу гостя.

По пути Маруся кликнула Василку, чтоб он помог на дворе с лошадьёю. Он знает, что надо делать, не раз подсоблял старшим встречать гостей. Потом распахнула широкие ворота для повозки, поприветствовала Павла Ивановича и пригласила его в дом. Возница подал небольшой дорожный сундучок, изготовленный из кожи и окованный по бокам железом, и Павел Иванович, легко подхватив его, направился за Марусей.

Пока гость снимал дорожный плащ, девушка пристально разглядывала его. Роста он не сильно высокого, но и маленьким не назовёшь. В меру строен для своего возраста. Не толст и не худощав. Одет в серый сюртук, который он небрежно расстегнул, под ним виднеется жилет из той же материи. Поверх стоячего воротничка белоснежной рубашки повязан мягкий шёлковый платок черного цвета. Да он ещё и щёголь! Маруся прежде видела Павла Ивановича только в форменном мундире служащего, и потому его сегодняшний вид её очень удивил. Она предложила гостю сесть и попросила немного подождать, пока освободятся родители. Сама же тем временем налила ему чаю. Гость поинтересовался, как поживают девицы, здоровы ли родители. Маруся скромно отвечала на его вопросы.

Вскоре слышались голоса отца и матери, на крыльце раздались шаги. Маруся выскользнула узнать, как там дела. К счастью, Зорька благополучно разрешилась бычком, таким же чёрно-пёстрым, как и она сама. Первый порыв сестёр броситься в хлев и посмотреть был тут же пресечён отцом.

– Нечего смотреть, дайте ему оклематься! Сырой ещё!

И девицы вернулись к рукоделию.

Отец быстро привёл себя в порядок и пошёл в горницу к гостю. Мать захлопотала у печи, вынимая оттуда небольшой чугунок с томившимся в нём мясом, другой, побольше, со щами да глиняный горшочек с кашей. А Маруся шепнула сестре:

– Жених-то у тебя баской⁵ оказался! Нарядный такой, не чета нашим парням!

Нюра промолчала. Разве может кто-нибудь сравниться с её Алёшенькой?

– Мань, спустись-ка в голбец⁶, достань сметану да маслице, – скомандовала матушка.

Маруся нехотя поднялась

– А ты, Нюра, пойдти в ле'дник, – продолжала мать, хлопоча у стола, – там две куры забитые лежат, носи их в избу, к вечеру приготовлю. Крышку-то осторожно подымай, она тяжёлая, смотри, на ноги не урони.

Нюра отправилась во двор. Там, рядом с амбаром, была небольшая клетушка, используемая для хранения продуктов в теплую пору. В ней вырыта глубокая яма, которую в конце зимы заполняют льдом, нарубленным на реке. Здесь в тёплое время года хранятся продукты.

– Ой, Нюра, он такой! ... Такой! – продолжала Маруся, прибежавшая на подмогу.

– Какой такой? – проворчала сестра. – Держи-ка крышку, чтоб мне на голову не упала.

– Барин! Ей Богу, барин!

– Вот и иди сама за него, раз он так тебе понравился! Барыней станешь! – буркнула Нюра.

– А я бы, может, и пошла! Но тятенька не позволит. Нельзя старшей сестре дорогу перебежать, примета плохая. Ты же знаешь – коли младшая первой замуж выйдет, то старшая навек в девках останется.

– А по мне бы, так лучше в девках, чем за нелюбимым мужем, – печально проговорила Нюра.

Стали собирать на стол.

– Ты чего за деревянные плоски ухватила? – заворчала мать на Нюру. – Гость-то наш, поди, и не едал из таких никогда. Сервиз кузнецовский доставай! Он с позапрошлогдней ярманки новёхонький стоит, своего часу ждет. Нельзя нам в грязь лицом ударить. А ты, Маня, скатерть вышитую вынь из сундука, негоже нам такого гостя по-простому принимать. Да сарафаны-то поменяйте, новые наденьте, которые к Пасхе шили! Нечего срамиться перед людьми.

Вскоре на столе непривычно поблёскивали фарфоровые тарелки, румянились пироги с грибами да шаньги⁷ с творогом, ещё утром испеченные матерью. А хозяйские дочери в новых сарафанах хлопотали возле стола

Отец кликнул Нюру в горницу. Она робко вошла, слегка поклонилась гостю.

Павел Иванович внимательно оглядел её, словно оценивал. Потом протянул ей небольшую бархатную коробочку с просьбой принять от него этот подарок. Нюра поблагодарила, взяла коробочку в руки, да так и замерла с ней, не решаясь открыть.

– Что ж ты не желаешь взглянуть на мой подарок, Аннушка?

Дрожащими руками открыла она коробочку и увидела красивый серебряный набор с малахитом, серьги и кольцо. Никогда ещё Нюра не получала таких подарков. Серьги были

⁵ Баской – красивый, симпатичный (диал.)

⁶ Голбец – подполье в доме (диал.)

⁷ Шаньги – так на Урале и в Сибири называют ватрушки

чудо как хороши, да и колечко тоже. Только вот то, простенькое, подаренное Алёшей, было ей куда дороже этого недешёвого подарка. Павел Иванович попросил её примерить украшения.

– Сейчас это самый модный камень, – с гордостью произнёс он, – и не только у нас, даже в Европе.

А какая ей разница – модный ли камень, не модный ли! Неужто она на него свою любовь променяет?! Но отказать гостю она не посмела и надела украшения. Так и вышла в них к семье, и очень удивила этим сестру, глаза которой загорелись восторгом.

А тут как раз подоспели к обеду Иван с Лукерьей, и все пошли к столу. Кликнули и деда с Василкой. Маруся глянула на старшего брата, он как будто посвежел лицом, да и Лушкины глаза

словно светились. Вроде, и не радостью, а каким-то тёплым внутренним светом. Давно она такой не была. Ну, и слава Богу, всё налаживается.

После первой рюмки клюквенной наливочки натянутость, нависшая над столом, начала понемногу рассеиваться. Пошли разговоры о дорогах, о погоде, о видах на урожай. Отобедав и выйдя из-за стола, гость поблагодарил хозяйку и одарил всех, не забыв никого. Василко получил деревянную дудочку, дед Степан – рубаху-косоворотку, Анфиса, Лукерья и Маруся – по яркому павловскому платку, а Прохор с Иваном – по диковинному складному ножу, каких они еще никогда не видали.

Затем отец с гостем опять беседовали, уединившись, и Нюра была рада, что её не трогают. Она терялась перед Павлом Ивановичем, не знала, как ступить, что сказать. Всё в ней замирало от страха. Да ещё это колечко с малахитом жгло палец, на который совсем недавно девушка надевала более ценный для неё подарок. Вечером было объявлено, что с этого времени Нюра считается невестой Павла Ивановича. Вот так просто, без всяких там сватов, без принятого в народе «у вас товар, у нас купец». К тому же, Нюрино согласие никто и не спрашивал. Всем было ясно, какую высокую честь оказали семье.

Наутро гость откланялся, и Нюра облегченно вздохнула. Отец сообщил, что на Троицу они приглашены к жениху в гости. Как раз закончат с посевной, и будет небольшой роздых перед сенокосом. Нюра огорчилась. Она-то тешила себя надеждой, что хоть на Троицу свидится с Алёшей. Уж как она любила этот праздник, ей нравилось завивать венки на берёзке, петь песни и водить хороводы. Жаль, отец нынче не отпустит её из дому. Но в церковь-то он ей не запретит ходить! Может, хоть там с милым повстречается.

– Ты представляешь, сестрица, будешь жить, как барыня, в большом красивом доме, – рассуждала Маруся. – Да еще, наверное, с прислугой. Жених-то твой один живет, значит, у него кухарка должна быть, да и другие слуги тоже. Может, тебе и впрямь повезло, только ты этого еще не уразумела?

– Ой, страшно мне, Марусенька! – отвечала ей Нюра. – Он ведь человек другого круга. Ума не приложу, зачем я ему нужна? Непонятно всё это, потому и страшно.

– Тятенька сказал ведь, что ему нужна девушка скромная, без капризов. Может, у него первая жена была слишком привередливая?

– Кабы жил он где-то недалеко, пусть даже в соседнем заводе, мы бы все равно что-то о нём знали, – продолжала высказывать свои тревоги Нюра. – Какие-то слухи, сплетни до нас дошли бы.

– А ты, как поедешь к нему в гости, будь внимательна, присматривайся ко всему, со слугами поговори, может, чего и прояснишь, – наставляла сестру Маруся. – И всё запоминай, потом мне расскажешь! Вот бы меня взяли с собой! Я бы там все поразузнала. Это так интересно! Слушай, сестрица, а давай тятеньку поспрошаем, они же долго беседовали, он должен много знать о твоём женихе.

– Нет, я боюсь с ним говорить. Он и так на меня сильно сердит, – возразила Нюра.

– Ну, хочешь, я попробую? – не унималась Маруся.

– Ты лучше расскажи мне, о чем гость с тобой говорил, пока тятенька не пришёл?

– Ну, он спрашивал про здоровье, про дела. Ещё про то, чем мы с тобой занимаемся, какие книжки читаем. А я сказала, что Библию читаем, а так у нас в доме и книжек-то больше нет, кроме как про какого-то милорда, которую тятенька в прошлом году с ярмарки привёз. Он засмеялся, мол, неужто мы Матвея Комарова читаем? Да не читаем мы его, прочли разок, ну и лежит, что с него толку? Некогда нам читать, работы много. Он пообещал, что привезет книги в следующий раз.

– Он образованный, умный, и зачем я ему такая? – опять недоумённо произнесла Нюра.

– Вот выйдешь за него и узнаешь, зачем! – отрезала Маруся.

Глава 5

Лукерья проснулась в хорошем настроении. Пожалуй, впервые с того страшного утра, когда она обнаружила рядом с собой мёртвого Гришеньку. Наконец вчера она решилась поговорить с мужем, и, кажется, он её понял. Они возвращались домой в телеге, оба довольные сделанными покупками. Буянка бежал лёгкой рысью, сквозь голые ветви деревьев были видны начавшие зеленеть поляны. Кое-где близ кустарников стайками белели ветреницы, называемые в народе подснежниками. И, несмотря на хмурость апрельского дня, в воздухе пахло весной.

– Ванечка, давай свой дом поставим, – вдруг произнесла Луша.

Иван удивлённо вскинул брови:

– А чем тебе в нашем доме не нравится?

– Нравится мне, конечно, но уж больно много нас тут. Мы могли бы рядом построиться, подворье-то большое. Деток нарожаем, им простор нужен.

– Скоро Нюру замуж отдадим, – возразил он, – меньше народу будет.

– А мне её жаль, – произнесла Лукерья с грустью.

– С чего бы это? Ей такой жених завидный подвернулся!

– А с того, Ванечка, что за нелюбимого идти – то же самое, что жить с мужем, который любит другую бабу. Даже если она уже покойница. И не прикидывайся, что тебе самому не жаль сестру, ты ведь тоже видишь, как она исстрадалась.

Иван с удивлением посмотрел на жену.

– Да, Ваня, – продолжала она с горечью в голосе, – я всё вижу, не слепая. И что Нюру ты жалеешь, и что по Алёнке до сих пор сохнешь. Кабы я раньше знала, что ты другую любишь, я бы матушку с батюшкой слёзно умоляла не отдавать меня замуж за тебя. Но теперь ведь уже взад не воротить. Ты живёшь так, словно меня виноватишь в твоей беде. Но ведь это не я к тебе, а ты ко мне посватался. Ты венчался со мной, ты обещал перед Богом любить меня. Так чего ж ты теперь-то меня губишь? И себя губишь, Ванечка.

Он молча слушал жену и удивлялся тому, как спокойна и рассудительна она, как много боли накопилось в её душе, но при этом за весь год она ни разу ничем его не попрекнула, только охала и вздыхала, когда он пьяный возвращался домой.

– Вроде мы с тобой и вместе живём, а на самом деле поврозь. Всяк своё горе пестует. Я живу со своей бедой, ты – со своей. Подумай-ка хорошенько, Ванечка, куда мы так придём? Алёнку уже не воротить, да и Гришеньку тоже, так уж случилось. А у нас семья, и мы ещё могли бы стать счастливыми, если бы оба захотели этого. Оба, Ванечка. Раз уж мы с тобой вместе, так давай и будем вместе лепить свою жизнь. Она должна быть у нас общей. Одной на двоих. А иначе и смысла нет нам делить одну постель. Когда постель холодна, тогда и жизнь семейная постыла. Хуже смерти такая жизнь. Для чего, по-твоему, живёт человек? Для радости, Ванечка, для счастья. А чтоб счастье было в твоей жизни, надо просто очень сильно этого хотеть.

Иван обнял жену, положил её голову себе на плечо и глубоко вдохнул весенний воздух. На душе словно потеплело. Оказывается, она у него такая умница! Как всё просто, всё разумно обсказала. И главное – правильно! Ну, чего, казалось бы, проще – жить для радости. Наверное, так и должно быть. А может, стоит попробовать? Жизнь-то ещё не кончается.

Весь вечер Луша чувствовала на себе внимательные взгляды мужа, будто заново открывал он её для себя, будто только что знакомился с ней. А ночью, устав ждать, пока угомонится вся их большая семья, встал с лежанки, потянул её за руку и повёл во двор, укутавшись с ней в один тулуп. Большой плетёный короб с сеном словно только их и ждал тут. И не было в её жизни ничего прекраснее этой ночи, и не было на всём свете бабы, счастливее её. Когда

они, замерзшие, тихонько кралась обратно, боясь скрипеть половицами, домочадцы уже сладко спали.

Оттого и пробуждение их было счастливым, и Иван, сладко потянувшись, шепнул ей, что хотел бы прямо сейчас повторить их ночные вольности и что она права, им нужен свой, отдельный дом. Лукерья слушала мужа, смотрела в его потеплевшие глаза и не могла поверить, что всё это происходит наяву, уж больно горькой была её жизнь с самого первого дня замужества, а особенно после смерти Гришеньки. Может, зря она так долго молчала? Может, давно надо было вот так откровенно поговорить? Хотя, всегда всему своё время. Значит, теперь и её время пришло.

Иван вышел во двор, посмотрел на короб с сеном и улыбнулся. Он и не ожидал от себя такой выходки. Наверное, жена права – мы сами растим свои беды и радости. Хотим – лелеем горе, хотим – радуемся счастьем. Почему так нелепо сложилась его жизнь? Он долго спорил с отцом, когда тот, решив его оженить, заводил разговор про Лукерью. Иван Алёнку любил, и расстаться с ней не было сил. Ну, беда ли, что она сирота, что живут они вдвоём с глухой бабушкой в покосившейся избёнке? Он молодой здоровый мужик, много чего умеет руками и работы не боится. Упорно стоял на своём, убеждая отца, что сможет быть хорошим хозяином. Хотел уже, было, пойти наперекор семье и самовольно у Алёнки поселиться, да только дал слабину, когда услышал в кабаке от мужиков, что Гришка Кривой к его Алёнке похаживает, что видели, как он под утро из избы её выходил. Осерчал он тогда, махнул рукой и пошёл на поводу у отца. А потом, уже после свадьбы, посидев однажды с друзьями в кабаке, не выдержал и зашёл к Алёнке. Как она изменилась! Казалось, на лице одни глаза и остались. Только раньше это были голубые озёра, в самую глубь свою манящие, а теперь поблекли как-то, словно жизнь из них ушла. Под глазами тени залегли, нос заострился, губы сложились в скорбную складочку. Поговорили они тогда по душам. Рассказала она, как зашёл однажды к ней Гришка, а она, не спрося, дверь открыла, думала, Иван это. Тот был пьян сильно, начал к ней приставать, она его и вытолкала в сени. А он там свалился, да и заснул. Под утро только оклемался и ушёл. Взревел Иван зверем подбитым, хлопнул дверью и обратно в кабак направился. ...А потом Алёнки не стало, и вся его жизнь пошла под откос. Даже рождение сына не вернуло ему прежней радости.

Иван взмахнул рукой, словно отгоняя непрошенные воспоминания, оседлал Буянку и поскакал в кузницу. Отец давно велел коня перековать, да как-то все не до того было. В посёлке спрос на кузнецов большой, и потому работают несколько кузнецов, но он направился, как всегда, к лучшим мастерам. Таковыми славится семья Петра Кузнецова, чья кузница стоит возле плотины, на берегу пруда. Поговаривают, что их предок когда-то был сослан из самой ах столицы за то, что ковал там оружие для стрельцов во время бунта. Потому их в посёлке и прозвали Москалями. Это уж потом, после вольной, когда всем фамилии приписывали, стали они Кузнецовыми, но старое прозвище и теперь ещё в ходу. Отец Петра был мужик крутого нрава, люди бают⁸, однажды он поссорился с попом да и послал того по матери, за что потом был отлучён от церкви. Пётр нравом пошёл в отца, тоже мог крепко словом приложить. Он постоянно бранился с кем-нибудь, за что и поплатился – сожгли ему дом в самое Рождество. Погоревал он немного, разослал проклятия на головы недругов, да начал с сыновьями катать новый сруб, еще поболее прежнего, благо, что сердобольные соседи приютили их у себя.

В кузне оказался сын Петра Александр, парень лет двадцати. В семье его кликали Санко, так это имя за ним и закрепилось в посёлке. Он со знанием дела подошёл к коню, снял старую подкову, расчистил копыто, сделал мерку и пошёл ладить новую подкову. Иван проследил за его действиями и остался доволен – парень стал хорошим мастером. Буянку, уже привыкший к этому делу, стоял спокойно, терпеливо позволяя обиходить очередную ногу. Когда вся

⁸ *Ба́ют* – говорят (диал.)

работа была закончена, Иван расплатился с мастером и вскочил, было, в седло, но Санко его окликнул. Иван повернулся, а тот смущённо протянул ему диковинный железный цветочек на длинном стебле.

– Вот... передай, пожалуйста, Марусе, – произнёс он и слегка покраснел.

Иван улыбнулся, взял цветок и помахал парню рукой. Надо же, и у Маруси ухажёр появился! Против такого парня отец едва ли что скажет. Семья крепкая, работающая, именно такая, как ему надобно. Пожалуй, так отцовский дом мигом опустеет, и есть ли смысл ставить свою избу?

Маруся очень удивилась подарку, не сразу сообразила, от кого он. Потом вспомнила этого парня и рассмеялась. Нюра с интересом рассматривала железную розу, хвалила мастера, а сестра только пожимала плечами, словно говоря, что она тут ни при чём. Иван сел на лавку и невольно залюбовался женой, хлопотавшей у печи. Чёрные косы двумя змеями вьются по спине, опускаясь ниже пояса. Брови красиво изогнуты, карие очи глядят на него призывно и многообещающе. Какая-то в них появилась игривость, и ему это очень нравится. Невольно залюбовался её слегка припухшими губами, едва сдерживая порыв подойти и поцеловать их. Оглянулся на сестёр и подумал о том, что народу в избе всё-таки многовато. Эх, права Лушенька, права – надо свой дом ставить! Куда бы сестриц спровадить?

– Девки, а вы уже видели Зорькиного телёнка? – обратился он к сёстрам. – Надо бы ему имечко придумать.

– Ой, и правда! – воскликнула Маруся и потянула сестру за собой.

– Соломинки в зубы взять не забудьте! – крикнул брат им вслед, – не то сглазите!

Только хлопнула за ними дверь, Иван тут же обнял Лукерью и впился губами в её губы. Эх, до чего же сладкая у него жёнушка, так бы и не выпускал её из своих объятий! Она потянулась к нему, прильнула всем телом, и почувствовал Иван, как земля уходит у него из-под ног. Ещё миг, и он готов был подхватить её на руки да унести к себе за занавеску. Тут послышались какие-то шорохи, и с печи свалились старые подшитые пимы, издав глухой звук об пол. Оказалось, что это дед Степан лежит на печи, кости греет, да, видно, неудачно повернулся с боку на бок. Лукерья звонко рассмеялась, Иван нехотя оторвался от жены. А тут и сёстры вернулись, наперебой рассказывая, какой миленький телёночек у Зорьки, как он громко причмокивает, когда сосёт молоко, и объявили, что назовут его Пёстрик.

– Кааак? – в голос спросили Иван и Лукерья.

– Пёстрик! – повторила Маруся. – Он же пёстрый, вот пусть и будет Пёстрик. Называют же коров Пеструхами!

Вошёл надутый Василко. Все обернулись на него.

– А что это братец у нас такой хмурый сегодня? – спросила Нюра.

– Никто на качуле⁹ не качается, а одному мне неинтересно, – проворчал он. – Раньше, как в Пасху качулю повесят, так и до самой посевной веселье, полон двор народа. А нонче из-за ваших женихов всё наперекосяк!

– И то, правда, – встрепенулся Иван, глаза его хитро блеснули, – айда все качаться!

Все загалдели, быстренько оделись и высыпали во двор, где к крепкой перекладине на веревках была подвешена длинная доска.

– Тять, покачаешь? – крикнул Василко вышедшему из конюшни Прохору.

– А, давай, покачаю! – улыбнулся отец и направился к детям.

Василко, Маруся, Нюра и Лукерья уселись верхом на эту доску, друг за другом, свесив ноги по обе стороны. Отец с Иваном встали по краям доски и начали раскачивать её.

– Ну, что? Кого на сеновал закинуть? – весело кричал отец, приседая в очередной раз, чтоб отправить вверх другой конец доски.

⁹ Качуля – качели (диал.)

– Держитесь крепче! – кричал Иван, приседая в свой черед и глядя на радостное лицо Лукерьи.

Все дружно заливались смехом, который разносился по всей округе. И вскоре у ворот уже собралась ватага соседской ребятни, с завистью наблюдавшей за этим разгулом веселья.

Иван любовался женой, глаза которой светились, щеки покраснелись, волосы выбились из-под платка. Он думал о том, какая же она умница, его Лушенька-душенька, как права она была, говоря, что сами мы выбираем, жить ли нам в радости или в печали. Отныне он выбирает радость! Лукерья тоже любовалась мужем. Какой он высокий, статный, гибкий. Как красив он сейчас, с горящими глазами и широкой улыбкой на лице. Вернувшаяся с реки мать только руками всплеснула, увидев эту весёлую картину. И даже дед Степан не усидел на печи. Он вышел на крыльцо и, облокотясь на перила, любовался своим семейством, сожалея лишь о том, что покойная жена его, Марьюшка, не видит сейчас этого.

Глава 6

За делами и заботами промчался май. Недаром говорят, что весенний день зиму кормит. Тут уж поспешай, не плошай! Пахали, боронили, сеяли, сажали. Каждому в семье находилась работа. Но как ни загружай себя ею, а от мыслей своих никуда не убежишь! Нюра за это время вся извелась. Она тосковала по Алёше и страшилась поездки к жениху, которая неминуемо приближалась. Из-за работы сёстры ни с кем почти не виделись, разве что утром, гоня коров в пасево, встретят кого-то из подружек. Егорьевские гулянья прошли мимо них, и они даже не заикнулись родителям, что хотят куда-то пойти, смиренно несли своё наказание.

Но вот уже и весенние работы позади. Сегодня Василко, вернувшийся от своего дружка Николки Черепанова, сказал Нюре, что их вечером ждут на посиделки. Татьяна, мол, просила передать, чтоб сёстры обязательно были. Нюра удивилась – не принято, вроде, в это время посиделки собирать. Обычно осень да зима – самое время для них. Хотя, почему бы не отдохнуть, коли есть такая возможность?! Поля у всех засеяны, огороды засажены, все на славу потрудились. Теперь дело за солнышком да тёплым дождичком. А молодёжи самое время немного погулять. Маруся, узнав эту новость, предложила Нюре потихоньку улизнуть из дому, когда родители лягут спать.

– Да Бог с тобой, Маруся! – воскликнула Нюра. – Отец узнает – хуже будет, достанется нам с тобой вожжами повдоль спины!

– А сколько же можно дома сидеть?! Вся жизнь мимо проходит! Может, нам потихоньку у маменьки отпроситься?

– Да разве ж пойдёт она супротив отца? – печально возразила Нюра сестре.

Но всё сложилось, как нельзя лучше: отец уехал по каким-то своим делам и обещал вернуться не раньше завтрава. Маруся подластилась к матери и уговорила её отпустить их на посиделки. Та, конечно, сначала возразила, а потом поддалась на уговоры дочери. Сама ведь когда-то молодой была, любила и песни с подругами попеть, и хороводы поводить. А уж как, бывало, гармонист развернёт меха, да начнёт частушки напевать, да как все поочерёдно станут включаться в пение да на круг выходить, тут уж такой перепляс пойдёт – до утра не остановишь.

После ужина девушки помыли посуду, подмели пол и стали наряжаться. Маруся попросила у сестры разрешения взять её малахитовые украшения, женихов подарок, который так и лежал в коробочке. Та с радостью уступила ей ненавистный серебряный набор с малахитом, сама же надела на палец подаренное Алёшенькой колечко с бирюзой. Взяли они своё рукоделие и отправились на посиделки, которые уже были в разгаре. В избе вдоль одной стены стояли лавки, где расселись девицы, каждая со своей работой: одни вяжут, другие вышивают, сама хозяйка, Татьяна, с прялкой сидит. Вот, мол, парни, смотрите, какие мы умелицы-рукодельницы, хорошими вам жёнами будем, выбирайте! Напротив них уже разместилась компания парней с гармошкой да балалайкой. А мы, дескать, такие ловкие да весёлые ребята, полюбуйтесь на нас! Хотите – споём, хотите – спляшем, с нами не заскучаете! Кто-то сыпал шутками, кто-то напевал задиристые частушки, самые решительные парни стали подсаживаться к девицам, чтоб вести с ними беседы. Нюра осмотрелась, Алёши здесь не было. А жаль! Когда ещё им случай выпадет свидеться. Она уселась на лавку, достала пяльцы и продолжила свою вышивку. Сестра, примостившись рядом, вязала крючком затейливое кружево для рушника. А вдруг Алёша уже заглядывал сюда да ушёл, коль не было их тут? Обычно первыми собираются в избе девицы, парни приходят ватагой попозже, когда у девиц уже работа в разгаре. Сегодня сёстры немного припозднились, и теперь Нюра горевала, что была тут не с самого начала. Она то и дело взглядывала на дверь, с замиранием сердца ожидая, не появится ли её возлюбленный.

– Здравствуй, Машенька! – сказал, подсаживаясь к Марусе, какой-то парень.

Она повернула голову:

– А, Санко, это ты! Здравствуй, коли не шутишь!.

– Нет, не шучу, у меня серьёзные виды на тебя, красавица, – от волнения Санко пытался быть немного развязным, но это у него плохо получалось, он пыхтел, краснел, нервно шевелил пальцами. – Подарочек мой тебе передали?

– Передали, спасибо. Хорош подарочек, только тяжеловат будет! – улыбнулась Маруся.

– А я тебе другой принёс, полегче, – и он вынул из кармана фигурный пряник.

– Спасибо! – игриво ответила девушка, с улыбкой взяла пряник, разломала его пополам и половинку протянула Нюре.

– Может, выйдем на воздух, погуляем немного, – предложил Марусе кавалер.

Она кивнула, передала свою работу сестре и отправилась с ним. Но вскоре снова оказалась в двери и поманила за собой Нюру, что-то ей маяча.

Нюра, отложив работу, направилась к двери. Что ещё придумала её сестра? Убежит сейчас с Санком куда-нибудь, а потом отвечай за неё перед матушкой. И ладно бы, любила она его, а то ведь так, играючи. Нюра вышла на крыльцо – Маруси уже нигде не видать. Зато из-за угла появилась знакомая фигура. Неужели? Всё ещё не веря своим глазам, она сделала шаг вперёд; протянув руки, спустилась с крыльца и тут же оказалась в объятьях своего Алёшеньки. Он прижал её к себе и осторожно коснулся губами её волос, лба, щёк, а потом добрался до губ. Земля ушла из-под ног у Нюры, да что там земля! Она и ног своих не чуяла, только бешеный стук сердца в груди. Вот, оказывается, как оно бывает! Словно и нет тебя больше, тело стало совсем невесомым, две души слились в одну, и хочется только одного – не разнимать объятий, не отрывать губ, продлить эти сладкие мгновения как можно дольше. А в воздухе стоит дурман черёмухи, уж не от него ли голова идёт кругом?

Уральский вечер тих и светел. В это время ночь совсем не успевает развернуться, после заката ещё долго светло. Лишь далеко за полночь слегка стемнеет, а там уже и опять светать начнёт. Влюблённые, обнявшись, сидят на завалинке и не могут наговориться. Из избы то и дело выходят парочки, шутят, смеются, поют. Но этот мир уже не существует для Нюры. Она сейчас живёт в своей любви и видит только Алёшу, слышит только его голос.

– Люди говорят, просватали тебя уже, – с горечью произнёс её дружок.

– Да, отец слово дал. Только я этому совсем не рада. Зачем мне богатый жених, когда ты у меня есть, Алёшенька!?

– И когда свадьба? – хмуро спросил Алексей.

– Осенью. Отец сказывал, на Покров, – потупилась она.

– Значит, у меня ещё есть время, – воодушевился он.

– Да, есть, и я живу одной мыслью, что ещё немного на воле побуду.

– Вот, возьми, – он протянул ей небольшой мешочек. – Это золотой песок. Схорони пока у себя. Я часть уже сдал в контору, а это оставил на всякий случай. До осени я ещё намою. Я не отступлюсь, дождусь своей удачи, чтоб не стыдно было к отцу твоему явиться.

– Боюсь, милый, что отец от своего слова уже не отступит, к нему являться – только сердить его, – печально проговорила Нюра.

– Я не позволю тебе стать чьей-то женой! Ты будешь только моей! – горячо воскликнул он. – Мы сбежим, исчезнем, затеряемся в тайге. ...Если, конечно, ты согласна на такое.

– Ой, не знаю, Алёшенька, страшно мне супротив тятеньки идти. Но и без тебя мне тоже жизни нет. Скоро надо ехать в гости к жениху-то, а мне так не хочется.

– А хочешь, убежим прямо сейчас? – глаза его загорелись. – И ехать тебе никуда не придётся.

– Не могу, милый, тогда всем от тятеньки достанется: и матушке за то, что отпустила нас гулять против отцовской воли, и Марусе за то, что со мной была, да не остановила. Они-то не виноваты.

– Добрая ты у меня, совестливая. Ну, как можно тебя не любить?!

И снова он осыпал её поцелуями. Незаметно пролетело времечко: они то говорили, то целовались, то снова говорили. Никогда ещё Нюра не была так счастлива, она и не знала прежде, как сладки могут быть поцелуи.

Но вот из предрассветного тумана появилась Маруся со своим кавалером, и сёстры засобирались домой, не то, неровён час, тятенька вернётся, тогда греха не оберёшься. Маруся зашла в избу за рукоделием, а Нюра, дождавшись сестры, обняла на прощанье мила друга, и, не оборачиваясь, пошла. Душа её и пела, и плакала одновременно. Тело еще чувствовало жаркие объятия, губы горели от поцелуев, а по щекам катились слёзы. Пробравшись тихонько в дом, сестры улеглись на полати и затихли, каждая лежала и думала о своём. Утром мать у печи гремела чугушками, а они сладко спали, не слыша ничего.

Пробуждались они тяжело. Да и диво ли! Легли-то на рассвете. Но мать не дала им понежиться:

– Вставайте, гулёны, всё на свете проспали! Лукерья вон уже вместо вас коров в пасево угнала. Иван в поле отправился, посева проверить. Даже Василко куда-то ускакал, а вы всё спите! На столе парное молоко с булками, для вас оставила. Быстро просыпайтесь!

Сёстры нехотя поднялись, потянулись, умылись и сели за стол.

– Маруся, а где вы с Санком вчера были? Куда исчезли? – полюбопытствовала шёпотом Нюра.

Та пожала плечами и отмахнулась:

– Да так, гуляли

– Он тебе нравится?

– Не знаю, может быть.

– Как можно не знать, Маруся? Я на Алёшу только глянула впервой и тут же поняла – это мой суженый.

– А я не поняла ещё! Хорошо тебе говорить, когда у тебя такой жених: и красавец, и богач!

– Ты завидуешь мне, сестрица? – удивилась Нюра. – Да я готова всю жизнь нищей прожить, лишь бы с Алёшей вместе. Зачем мне этот жених? Это ж папеньке он нужен, а не мне! Он и тебе красавца-богатея найдёт, не сомневайся!

– Нет, другого такого едва ли сыщёт. А местные кавалеры все одинаковые. Мне они не нравятся. Я в городе жить хочу, с богатым мужем, с прислугой.

Их беседу прервал голос матушки:

– Девицы мои, красавицы, покажите-ка мне, чего вы вчера на посиделках наработали? Чует моё сердце, что вы там только пели-веселились.

Сёстры втянули головы в плечи и потихоньку выскользнули из избы.

Ближе к обеду вернулся отец. Сзади к телеге была привязана красивая коляска с откидным верхом. Ну, чем вам не карета! Все высыпали на улицу. Отец радостно улыбался:

– Вот, сторговался не очень дорого, зато перед женихом в грязь лицом не ударим! Не в телеге же нам в гости отправляться!

Все возликовали, а Нюра, хмурясь, опустила голову. Всякое напоминание о поездке гнётом на сердце ложилось.

– Тятенька, возьми меня с собой! – умоляюще посмотрела на отца Маруся. – Я так хочу в новой коляске прокатиться! И в Екатеринбурге я никогда не бывала, и Нюре со мной веселее будет!

Отец посмотрел на мать, та широко улыбалась. Он перевёл взгляд на печальную Нюру, подумал немного и ответил:

– Ладно, возьму! Только, чур, не ныть, что устала! Дорога дальняя. Если повезет, за пару дней доберёмся, а то, может статься, и дольше будем ехать.

Маруся подпрыгнула от радости и захлопала в ладоши. Тут же заныл Василко:

– А я? Я тоже хочу! Они поедут, а я дак нет!

– А ты мал ещё! Подрости маленько! – сказал отец с улыбкой. – А мы там тебе невесту приглядим, вот вырастешь, и поедем с тобой свататься.

Все рассмеялись, а парнишка надулся и убежал во двор.

Глава 7

Дорога до Екатеринбурга оказалась не таким уж интересным приключением, как представляла себе Маруся. Выехали на заре. В коляску запрягли сразу пару лошадей. Буянкова подружка Ласточка поначалу весело бежала рядом с ним, потом заметно сникла. Так же и Нюра с Марусей: в начале пути они ещё радовались лесной свежести, зелёной травке, щебету пташек, белым стволам берёз, перемежающихся с елями, но вскоре дорога, местами тряская и пыльная, стала их утомлять. К полудню и лошади устали. Первую остановку сделали в Тагильском заводе, на самой его окраине. Постоялый двор, где путники остановились, удивил девушек своей неустроенностью, грязью, шумом, скученностью повозок и людей. Через большое поселение и движение было большим. Трактир, который располагался тут же и куда они зашли отобедать, наваял на них глубокую тоску. Но пришлось довольствоваться тем, что подали. Съели по тарелке кислых щей, выпили чаю. Благо, что с собой у них были пирожки, предусмотрительно уложенные матушкой.

Отдохнув немного, двинулись дальше. Но путешествие уже не казалось девушкам таким привлекательным. Послеполуденное солнце разыгралось не на шутку, а назойливые мухи то и дело залетали под навес коляски, жужжа в самые уши. К вечеру путники добрались до Невьянского завода, нашли постоялый двор и остановились там на ночлег, довольные, что половину пути они всё-таки одолели.

– Нюра, а если ты будешь жить так далеко от нас, мы же совсем не будем видеться с тобой, – начала разговор Маруся, когда они уже улеглись спать. – Мы целый день ехали, а дороге ещё конца и края не видать.

– Вот это меня и огорчает больше всего, – ответила ей Нюра.

– Эх, хорошо бы и мне там с тобой поселиться! А попроси своего жениха, чтоб после свадьбы он и меня к вам забрал.

– Не знаю, Марусенька, – задумчиво произнесла Нюра, – боюсь, что такая просьба некрасиво будет выглядеть.

– Не печёшься ты за сестру! Так и скажи, что не хочешь, – обиделась Маруся.

Нюра вздохнула и закрыла глаза.

Назавтра, отправляясь дальше, путники невольно залюбовались наклонной башней, освещённой лучами утреннего солнца. Величавая красавица с огромными часами-курантами так и притягивала к себе внимание. Восьмигранные ярусы с узорчатыми карнизами, переходя один в другой, завершались устремлённым в небо шпилем.

– Вот ведь, диковина! – восторженно произнёс Прохор. – Уже больше века стоит наклонясь, а всё не падает!

– А от чего она наклонилась? – с интересом спросила Маруся.

– А кто ж её знает? Может, она так задумана, чтоб народ подивить! – ответил отец. – Демидовы-то, говорят, большие шутники были.

– Жаль, если такая красота рухнет, – вымолвила Нюра, провожая взглядом башню.

Вот и остался позади Невьянский завод, и снова потянулась дорога, то вздымаясь в горы, то опускаясь в низины, и порой казалось, что ей никогда не будет конца.

К вечеру второго дня путники добрались-таки до Екатеринбурга. Остановились у какой-то лавки спросить, как найти Уктусскую улицу, на которой живёт Павел Иванович. Им указали направление. Вскоре проезжая дорога перешла в булыжную мостовую, и копыта лошадей громко зацокали по ней. Маруся во все глаза смотрела по сторонам. Ей нравились освещённые закатным солнцем купола церквей, яркие вывески на лавках и конторах, нарядные дамы в шляпках, элегантные мужчины с тросточками, и даже крики извозчиков были из какого-то другого мира. Нюра оставалась безучастной. Наверное, она бы тоже радовалась всему этому,

кабы причина их поездки была другой. Без труда сыскали дом жениха, кирпичный, в два этажа. Маруся только охнула, увидев его, Нюра же не произнесла ни слова. Человек с метлой открыл ворота, сам хозяин вышел встретить гостей. Поочерёдно подал девушкам руку, помогая выйти из коляски, и пригласил в дом. Слуга занёс их дорожный сундучок. Хозяин велел поднять его наверх, там гости будут жить. На первом этаже была просторная зала для приёма гостей, кабинет хозяина, столовая, кухня и комната прислуги. Павел Иванович предложил гостям подняться каждому в свои покои, чтоб переодеться с дороги, умыться и немного отдохнуть. Всем было предложено по отдельной комнате, но сёстры попросили позволения поселиться вместе. Хозяин не возражал, сказав, что они будут поселены в покои его будущей жены.

Маруся готова была визжать от восторга – так ей всё тут нравилось. В комнате стояла широкая кровать с резным деревянным изголовьем. Рядом с ней какой-то залавок¹⁰ с выдвигаемыми ящиками, от горничной они потом узнали, что он называется «комод». Ещё в комнате был гардероб, в котором висела пара новых платьев, небольшой туалетный столик с зеркалом, изящная ottomanка – такую мебель девушки видели впервые, а названий и вовсе никогда не слыхивали. В их доме все вещи хранились в сундуках, а сидели они на лавках да табуретках.

В дверь постучали. Вошла горничная с тазом и кувшином для умывания. Маруся засыпала её вопросами, та с едва скрываемой усмешкой отвечала, пока помогала девушкам умыться и разложить по местам вещи из сундука. Потом они были приглашены к ужину и спустились в столовую, где стоял большой стол с резными ножками, покрытый белой скатертью, а вокруг него – венские стулья. Нюру всё это страшно пугало, а Марусю приводило в восторг. Хозяин всех рассадил. Подали холодец, солёные огурчики, фаршированных рябчиков с отварным картофелем и пирог с рыбой. Картофель вызвал недоумение на лицах гостей. Эта пища для них непривычна. В народе его называют «чёртовым яблоком», и многие в их заводе отказываются его выращивать. Правда, Прохор с Анфисой с недавних пор стали сажать картофель на своём огороде, но только для приготовления крахмала, в пищу они его не употребляют.

– А вы попробуйте, это очень вкусно, – убеждал гостей Павел Иванович. – В Европе уже давно едят картофель, да и в России тоже. Даже странно, что он здесь, на Урале, так плохо приживается.

Маруся первая отведала диковинный продукт и сказала, что вкусно. Стали пробовать и остальные. Слуги едва сдерживали улыбки. И чего это хозяин учудил? Решил взять в жёны деревенскую девку. Никакого сравнения с первой женой! Уж та была настоящая барыня!

Разговор за столом пошёл о дороге, которая так вымотала путников. Павел Иванович сказал, что в скором времени начнут строить горнозаводскую железную дорогу, и тогда ездить будет намного быстрее и удобнее. Гости с удивлением слушали, что от Екатеринбурга и до самой Перми будет ходить паровоз, в аккурат мимо их завода.

– Это сколь же годов на строительство-то уйдёт? – спросил Прохор.

– Полагаю, года три-четыре, а то и больше, – ответил Павел Иванович.

Нюра сидела, вжавшись в стул и не подымая глаз от тарелки, словно хотела спрятаться от своего жениха. Он изредка взглядывал на неё, улыбаясь в душе робости своей невесты. Именно такая жена ему и нужна! После ужина хозяин объявил, какие виды у него на завтра. С утра они с Нюрой пойдут к портнихе, которая снимет с неё мерки, чтобы начать шить свадебное платье и кое-что для выхода в свет. Для жизни в городе ей нужно поменять гардероб. Нюру опять обуял страх: неужели это так необходимо? Как же она пойдёт к портнихе с ним вдвоём? Девушка беспокойно глянула на сестру, Маруся всё поняла и спросила:

– А можно и мне с вами?

– Нет, вы со своим батюшкой отправитесь осматривать город, я уже дал кучеру указание – он вас повезёт, – отвечивал жених таким тоном, что возражать уже не было смысла.

¹⁰ Залавок – глухой стол с полками внутри, где обычно располагалась кухонная утварь

После чая все вышли из-за стола. Сёстры, поблагодарив за ужин, поднялись в свои покои. Отец с женихом остались беседовать в зале.

– Ой, Нюрочка! Как мне тут нравится! Вот, ей Богу, пошла бы замуж вместо тебя! – воскликнула Маруся, плюхаясь на кровать. – Ты представляешь, скоро тебя будут называть госпожа Смирнова!

– Марусь, мы с ним даже ни разу толком не поговорили! Люди женятся, им всю жизнь бок о бок жить, а они ничегошеньки друг о друге не знают! Это же неправильно!

– А о чём ты хочешь с ним говорить? Расскажешь, что ты его не любишь? Что лучше бы за Алёшку пошла?

– Да я бы ни о чем с ним не говорила, кабы моя воля! Завтра мы впервые будем один на один. А я не знаю, как себя вести. Не могу же я сказать, что не хочу за него! Мне тятенька никогда такого не простит. И вести себя так, словно я желаю за него замуж, я тоже не могу. И что мне делать?

– А ты молчи, сестрица. Ничего лишнего не говори. Будет о чем-то спрашивать – пожимай плечами, не знаю, мол, и всё тут!

– Ой, не знаю, не знаю. Давай лучше спать укладываться, поздно уже.

После утренней трапезы Павел Иванович предложил Нюре надеть одно из платьев, что висят в гардеробе, и спустаться вниз. Она выбрала платье серого цвета, которое очень шло к её глазам. Ворот и рукава его были оторочены изящным кружевом более тёмного оттенка. Подол украшен красивыми оборками. Маруся помогла сестре одеться. Платье сидело на ней, как влитое. Широкий пояс, перехватывающий талию, на спине завязывался большим бантом. Маруся аж подпрыгнула от восторга и захлопала в ладоши:

– Нюра! Ты и в самом деле барыня! Какая красота!

– Непривычно как-то, – поморщилась сестра, – мне в сарафане удобнее.

– Всё, забудь про сарафаны! Ой, а надень-ка серьги малахитовые и кольцо! – воскликнула Маруся и, вынув из комода коробочку, подала её Нюре.

Та послушно выполнила указание младшей сестры и отправилась вниз, как на заклатие.

Когда она вошла в залу, Прохор только руками всплеснул:

– Вот это красавица! Неужели это моя дочь?! Тебя и не узнать совсем!

А Павел Иванович молча улыбнулся и подал ей согнутую в локте руку. Нюра робко оперлась на неё и последовала за женихом. Отец, довольный, смотрел им вслед.

– Мы немного пройдемся по городу, – сказал ей жених. – Портниха живёт недалеко.

Они шли прогулочным шагом сначала по Уктусской улице, потом повернули на Покровский проспект. Нюра понемногу успокоилась, стала оглядываться по сторонам.

– Ну, что, Аннушка, как тебе город? – спросил Павел Иванович.

– Непривычно, – зардевшись, ответила она, – народу много, повозок, лавки разные.

– Привыкнешь! Теперь твоя жизнь будет здесь проходить.

– А родителей навещать Вы мне позволите?

– Конечно, если ты этого захочешь. Только что там тебе делать? Вот увидишь – здешняя жизнь тебе ещё понравится, и ты забудешь о своём посёлке.

Ну, как она сможет забыть о доме? Там матушка, братцы, а главное – где-то там останется и Алёшенька. И сердце её останется там. Она представила себя в этом наряде на своём дворе с помойным ведром в руке. Как же нелепо это будет выглядеть! Вдруг Павел Иванович остановился возле шляпной лавки:

– А давай подберём тебе шляпку к этому платью! – предложил он.

Нюра пожалала плечами, она никогда не носила шляпок, привыкла к платкам. Жених потянул на себя тяжёлую дверь, и они вошли в лавку. Тонкая трель звоночка тут же возвестила об их приходе, и из-за шторы показался приказчик с подобострастной улыбкой на лице. Он вежливо спросил:

- Чего изволите? Господин желает шляпу для себя или для прекрасной дамы?
- Подберите, сударь, шляпку для дамы, вот к этому наряду!

Нюра стояла, затаив дыхание. Это её сейчас назвали дамой? Не снится ли ей всё это? Приказчик предложил на выбор несколько лёгких шляпок, Нюра примеряла их, и не могла поверить отражению в зеркале. Оттуда смотрела на неё красивая элегантная дама. Она ли это? Наконец шляпка была выбрана, Павел Иванович расплатился, и они вышли на улицу. Нюра стала ощущать на себе заинтересованные взгляды мужчин. Это было непривычно и немного волновало. Жених, шагая рядом, с довольным видом поглядывал на неё, а она смущённо опускала глаза.

Глава 8

Маруся насилу дождалась, когда Нюра вернётся от портнихи. Что-то её прогулка с женихом сильно затянулась. Они с отцом уже покатались по городу, полюбовались его красотами, подивились изяществу некоторых зданий, зашли в Вознесенскую церковь, поставили свечи за здоровье всей своей семьи. Отец даже попросил кучера остановиться на Сенной площади, где крестьяне из ближайших деревень торгуют сеном, поговорил с ними, приценился, полюбопытствовал видами на урожай, земельными наделами, травами на покосах. Возвращаясь обратно, проехали по деревянному Царскому мосту через реку Исеть. Кучер сказал, что сам государь Александр I проезжал тут полвека назад. Ну, надо же! Маруся едет по мосту, который когда-то построили специально для царя! Вот Санко-то удивится, когда она ему расскажет об этом! А она ему обязательно расскажет про всё: и про то, как долго они сюда ехали, и про богатый дом Нюриного жениха, и про большой красивый город. Он-то ничего подобного в своей жизни не видывал.

Наконец появилась Нюра. Она вошла, держа в руках букет каких-то диковинных красных цветов. Маруся никогда таких не видывала.

– Что это? – спросила она у сестры.

– Тю... тюль..., – Нюра смущённо оглянулась на жениха.

– Тюльпаны, – подсказал он.

– Какая красота! – восхищённо воскликнула Маруся.

Павел Иванович стоял, довольный произведённым эффектом. Маруся схватила Нюру за руку и потянула наверх. Ей не терпелось узнать, как они с женихом поладили меж собой. Войдя в комнату, она первым делом сорвала с головы сестры новую шляпку и тут же примерила её на себя.

– Тоже подарок жениха?

– Да, это мы купили ещё по дороге к портнихе. А когда шли обратно, он завёл меня в цветочную лавку, – начала рассказывать Нюра. – А там столько цветов! А как пахнет! Хозяин лавки, старичок, ну, может, чуток моложе нашего деда Степана, сам выращивает цветы! Он сказывал, что вот эти тюльпаны растут из луковиц.

– Их можно есть? Это лук? – удивилась Маруся.

– Нет, это другие луковицы, цветочные, сказывал, что очень редкие. Его дед когда-то привёз одну такую из самой Москвы, из ботанического сада Прокофия Демидова, сына того самого Акинфия, который башню наклонную построил. Помнишь, вчера мы видели?

– Помню. Чудят богатеи! Отец башню диковинную строит, сынок – цветы выращивает!

– Ну, такое пристрастие было у человека. Он эти луковки прямо из-за границы выписывал! Запомню я, как страна называется, на слово «голый» очень похоже. Этот старичок из лавки ещё сказывал мне, что его дед всю жизнь цветы разводил, потом отец, и вот он теперь. В городе больше никто не разводит тюльпаны, только он! Они эти луковицы никому не дают, не продают. В лавке и другие цветы есть. Но торговец сказал, что сейчас время тюльпанов. И Павел Иванович подарил мне этот букет. А он там самый дорогой был!

– Хорошо живёт твой жених, коли ему денег на цветы не жалко. Чего их покупать-то? Вышел в поле и нарвал! – недоумевала Маруся.

– Но такие-то в поле не растут! Это садовые цветы! Жаль, тебя не было со мной в той лавке! Там такая красота! Мне Павел Иванович потом до самого дома про сады барские рассказывал, как там всякие цветы да деревья растут.

– Да я гляжу, вы поладили!

Нюра не знала, что ответить на это. Да, она уже не так сильно боится своего жениха, как прежде, иногда ей даже было с ним интересно. Но он всё равно для неё чужой!

Тут в дверь постучали. Пришла горничная. Она принесла вазу для цветов и пригласила барышень к обеду. Обед опять был хорош, тем более, что гости нагуляли зверский аппетит. После обеда хозяин предложил всем вместе пойти погулять по набережной и покататься в лодке по пруду. Прохор решил, что молодёжи лучше погулять без него, он хотел бы пройтись до Хлебной площади, где он заприметил скобяные лавки, когда проезжали мимо. Это недалеко, он доберётся сам. Надо бы кое-что для хозяйства приглядеть. Маруся попросила разрешения остаться дома, она уже накаталась сегодня по городу и желает отдохнуть. Нюра вопросительно посмотрела на сестру. Опять ей быть с женихом наедине. Но деваться некуда – придётся идти на прогулку.

– Ой, а сегодня же Троицкая суббота! – вспомнила вдруг Маруся. – Вода – именинница! Нельзя мыть, стирать, баню топить! А плавать по воде разве можно?

Все переглянулись – и впрямь, можно ли? Оказалось, что никто не знает ответа на этот вопрос.

– Ну, хорошо, – улыбнулся жених, – тогда мы просто погуляем вдоль пруда.

И они опять пошли вдоль по Уктусской улице, только на этот раз не стали сворачивать на Покровский проспект, а перешли его, потом миновали Главный проспект и по Малой Съезжей спустились к пруду. Нюре уже не было так страшно, как утром, и она даже задавала жениху вопросы о том, что встречалось на пути. Он обстоятельно отвечал. Панорама открывшегося перед ними пруда была завораживающей. Солнце, уже начавшее понемногу клониться к западу, играло в мелкой ряби воды, тут и там по водной глади скользили лодки, и мальчишки-перевозчики громко зазывали желающих переправиться на другой берег или просто прокатиться. Нюра невольно залюбовалась всей этой картиной. Чудо, как хороши были дома на другом берегу пруда, особенно один, стоявший у самой плотины и весь словно наряженный в кружево. Павел Иванович стал рассказывать Нюре, в каком особняке какой проживает чиновник, купец или золотопромышленник, всё люди знатные, имеющие вес в городе. Вдруг они услышали громкие крики и увидели недалеко от берега перевёрнутую лодку и рядом с ней детскую головку, которая то скрывалась под водой, то появлялась вновь. Разом собрались зеваки. Павел Иванович, растолкав людей, вдруг бросился в воду. Нюра даже ахнуть не успела, а он уже плыл к перевёрнутой лодке. Сердце её замерло: а ну, как и с ним чего случится?! Но вскоре он уже выходил из воды с мальчонкой на руках. Толпа восторженно загудела, а он передал мальчика и повернулся к Нюре. Учащённо дыша, он улыбнулся ей и, пожав плечами, развёл руки, словно говоря: ну, вот, так уж получилось. Вода стекала с него ручьями. Нюра растерялась, надо бы ему срочно раздеться, отжать одежду. Но как? Она осмотрелась по сторонам, словно ища удобное местечко. В это время около них остановился извозчик, не воспользоваться этим они не могли, и быстро добрались до дома.

Нюра поднялась в свои покои, вошла тихонько, думая, что Маруся отдыхает, но её в комнате не оказалось. Странно, она ведь говорила, что устала. Вскоре сестра появилась.

– Куда же ты пропала? – удивилась Нюра.

– С прислугой беседовала, – отвечала та с улыбкой, – надо же всё про жениха твоего поведать!

– Так ты из-за этого от прогулки отказалась?

– Конечно! Жаль, вы быстро вернулись, слуги тут же забегали, засуетились, но кое-что я всё-таки успела разузнать! – таинственно произнесла Маруся.

Нюра уселась, вся во внимании, и сестра начала делиться услышанным:

– В общем, жених твой не из местных, хотя приехал сюда давно, сказывают, по причине большой любви. Годов, вроде как десять тому назад, а то и поболее будет. Жил он до этого то ли в Москве, то ли в Петербурге, в общем, по столицам обретался. Там и познакомился с дочкой тутошнего золотопромышленника. Они, богатеи-то везде домов понакупили-понастроили, и живут то тут, то там. А дочка-то эта, говорят, красавица была, и от кавалеров отбою

не знала. А тут у папеньки ёйного дела плохо пошли, с золотом оно завсегда так. Он и продал свой столичный дом, и пришлось дочери сюда воротиться. А Павел Иванович – следом за ней. Он человек образованный, устроился работать в контору эту Главную, а дома у него тогда еще не было, где-то угол снимал. Попытался, было, посвататься за неё, а ему было отказано. Но он не сдавался, продолжал ухаживать, любил, видать, сильно. По служебной лестнице вверх пошёл, почёт и уважение заработал. А тут беда у него приключилась: родители оба померли то ли от холеры, то ли еще от какой чумы. Остался он единственным наследником. Поехал туда, продал отцово имение, да и купил вот этот дом, а то, что осталось, под хорошие проценты положил. Тут уж папенька-золотопромышленник сам на него виды заимел, свои-то дела всё хуже и хуже, да ещё, поговаривают, в картишки сильно продулся. В общем, оженили нашего Павла Ивановича. А он и радёшенек-веселёшенек! И жена красавица, и дела идут хорошо. А жена-то его, сказывают, очень по балам любила разъезжать да по всяким вечеринкам. Да ещё дома приёмы устраивала. Поговаривают даже, что она до чужих мужиков была охоча. Муж на работу отправится, а она гостей принимает. Прислуга-то ведь всё видит, слышит, какие она с ними беседы ведёт, как кокетничает да весёлым смехом заливается. И то ли донесли хозяину, то ли что, только однажды он возьми да и вернись домой в неурочный час! Сказывают, шумел сильно, потому как картину застал неприглядную. А потом её Бог и наказал, померла в родах. А муж-то и не знает, его ли это был ребёночек. Вот такой расклад, сестрица!

Нюра сидела, совершенно потрясённая всей этой историей. Почему-то ей стало очень обидно за Павла Ивановича. После всего, что сегодня произошло, она невольно прониклась уважением к своему жениху. Не заслуживает он такого обращения. Теперь стало понятно, почему он выбрал себе невесту из глубинки, не избалованную деньгами и положением. Денег-то у него и своих хватает, а вот тепла и участия, увы, нет.

А вечером гостей ждал сюрприз. После ужина все были приглашены в залу, где уже находился седовласый человек в чёрном фраке. В одной руке он держал что-то навряде бала-лайки, только совсем другой формы, немного вытянутой и витиеватой. В другой была какая-то палочка. Девушки никогда не видели подобного инструмента. Павел Иванович сказал, что специально для своих гостей пригласил сегодня Отто Францевича, который сейчас сыграет им на своей скрипке. Никогда ещё Нюра не слышала ничего подобного. Музыкант ловко водил по струнам своей дивной палочкой, а скрипка плакала и пела. И вместе с ней плакала и пела Нюрина душа. Девушке виделись то Алёшины глаза, полные любви, то мелькающие вдоль дороги берёзки, то тюльпаны в цветочной лавке, а потом снова Алёша с его тёплой улыбкой. Вместе с мелодией уносилась Нюра куда-то в поднебесье, парила там, а потом стремительно падала вниз. Почему-то по щекам катились слёзы, и она ничего не могла с этим поделать. Она чувствовала на себе пристальный взгляд жениха, но боялась посмотреть на него. Ей было неловко, что она так расчувствовалась. Даже потом, засыпая, она снова слышала эти звуки, которые так взволновали её.

Проснулась Нюра с лёгкою душой. Сегодня великий праздник – Троица. Маменька, наверное, уже напекла пирогов, и все они там сидят за столом. Вдруг безумно захотелось домой. Вроде, и уехали недавно, а она уже скучает. Она поделилась этим с Марусей. Сестра только фыркнула:

– Ну, вот ещё! Нашла, по чему скучать! Домой-то мы всё равно воротимся, а вот эта жизнь может больше и не повториться. А потому, наслаждайся, сестрица! Хотя, что тебе! Ты ведь всё равно сюда приедешь, да ещё хозяйкой!

Нюре не хотелось говорить на эту тему, она молча взяла гребень и стала расчёсывать косу.

После завтрака все вместе отправились на службу в Свято-Троицкую церковь. Нюра мысленно обращалась к Богу с просьбой наставить её на правильный путь, помочь найти верное решение. Как ей поступить: пойти вослед за своей любовью или остаться послушной дочерью и выполнить волю отца? Но ничего не услышала она в ответ.

После службы вернулись домой и в зелёном садике, расположенном позади дома, пили чай. Под цветущей яблоней уже был накрыт круглый стол, на котором дымился самовар, а на большом блюде горкой лежали румяные шаньги. Щебет птичек, зелень мягкой травы, аромат усыпанных цветом яблонь – всё это так умиротворяющее подействовало на Нюру, что она на время забыла о своей беде. А вечером уже стали укладывать вещи в дорогу, чтобы утром пораньше выехать. Путь опять предстоял долгий и непростой.

Глава 9

Перед отъездом гостей Павел Иванович пригласил Нюру к себе в кабинет. С замиранием сердца вошла она туда и огляделась. Около окна стоит тёмный стол, обтянутый сверху зелёным сукном. Возле него – того же дерева широкий стул с подлокотниками. У одной стены – шкаф с книгами, а у другой – массивный кожаный диван с высокой спинкой и валиками. Увидев, как она внимательно осматривается, жених пояснил:

– Эту мебель я вывез из отцова кабинета в нашем тульском имении. Почему-то было жаль оставить всё это там, где поселятся чужие люди.

– Вы очень любили своего батюшку? – неожиданно для себя задала она вопрос.

– И матушку тоже, – ответил он. – Только со всей полнотой осознал это, когда остался совсем один.

Павел Иванович жестом предложил ей сесть на диван, себе подвинул стул и сел напротив. Ей почему-то вдруг стало тревожно. Что же он надумал?

– Аннушка, мы сегодня расстаёмся, и я полагаю, надолго, – начал он разговор. – Я хотел бы дать тебе кое-какие книги. Я понимаю, что дома у тебя не так уж много свободного времени, но всё-таки хочу, чтобы ты их почитала. Это наши русские писатели: Пушкин и Карамзин. Если книги тебе понравятся, то я пришлю ещё, или сам привезу при okazji.

Он указал рукою на стол, где лежали два тома.

Она кивнула в ответ.

– Я надеюсь, что тебе хорошо погостилось у меня, и желал бы, чтобы до свадьбы ты приехала сюда ещё хотя бы разок. Конечно, это очень далеко, и дорога нелёгкая, поэтому я не настаиваю, но при первой же возможности постараюсь приехать сам.

Она опять молча кивнула.

– Я буду скучать без тебя, – вдруг с нежностью в голосе сказал он, беря её руку, потом склонился над рукою и поцеловал её.

Нюра растерялась, она слышала, что у господ принято целовать дамам руки. Но чтобы ей?! Она не знала, как себя вести, что сказать. Снова её пронизало то чувство страха, с которым она сюда приехала два дня назад. Павел Иванович поспешно встал со стула, словно сам испугался своего поступка. Нюра поднялась, стараясь не смотреть на жениха, он подал ей книги и проводил из кабинета.

Вскоре гости были готовы к отъезду: лошади запряжены, сундук установлен на задок коляски. Кухарка вынесла корзину с пирожками и бидон кваса в дорогу. Нюра уезжала с лёгким сердцем – душа её рвалась домой. Марусе, напротив, вовсе не хотелось покидать большой город. Отец был серьёзен и сосредоточен, внимательно слушал советы кучера, как лучше выехать из города. Вот, наконец, расселись, попрощались и тронулись. Павел Иванович с грустью смотрел вслед отъезжающей повозке.

– Интересно, жених твой и в самом деле печалится, что ты уезжаешь, или только делает вид? – спросила сестру Маруся, как только они отъехали.

Нюра не ответила, ей не хотелось обсуждать эту тему.

– Вчера он получил письмо от какой-то дамы, – продолжала Маруся.

– А ты-то почём знаешь? – заинтересовалась Нюра.

– А я приняла это письмо от посыльного, когда вы гулять уходили. Звякнул колокольчик, я и отворила дверь. Хозяина дома нет – слуги и не торопятся. Жаль, письмо запечатано было, а то бы я обязательно прочла!

– А почему ты решила, что оно от дамы?

– Так я понюхала – духами пахнет! – воскликнула Маруся. – Совсем как вчера от одной сударыни, которая прошла мимо, когда мы со службы возвращались. И почерк такой красивый! Но тут вышла горничная и забрала у меня письмо!

Рассказ сестры почему-то опечалил Нюру. Ей вовсе не хотелось верить, что у Павла Ивановича может быть ещё какая-то женщина. И всё же на душе стало немного тоскливо. Что это с ней? Неужели жених стал волновать её? Нет, ей никто не нужен, кроме Алёшеньки! И, даст Бог, они скоро опять свидятся. Но мысли её нет-нет, да и возвращались к Павлу Ивановичу, к воспоминаниям о двух очень насыщенных событиями днях, проведенных в Екатеринбурге.

А жених её в это время сидел в саду под яблоней с письмом в руке. Только сейчас он удосужился распечатать его и прочесть. Амалия упрекала его в охлаждении чувств и приглашала к себе на Троицу. Хорошо, что он не стал читать письмо сразу, как получил, иначе весь день вчера чувствовал бы себя виноватым, зная, что его ждут. Связь с красивой вдовушкой тянулась уже почти год. Несколько раз пытался он порвать с ней, но никак не получалось. Она крепко уцепилась за завидного жениха и не желала его отпускать. Поначалу она казалась ему милой и незащищенной, их сблизила некоторая схожесть судеб. Но потом всё отчётливее стала Амалия напоминать ему первую жену. Он ждал тепла, доверия, душевности, которых не получил в первом браке, но и она не сумела дать ему это. Он помнил, как дружны были его родители, как матушка во всём поддерживала отца, и очень хотел, чтоб в его доме жила большая дружная семья, чтоб раздавались звонкие голоса детей, чтоб царили здесь покой и счастье. Ему нравились большие дружные семьи, которые он часто встречал в среде простого люда. Дочери, воспитанные там в строгости и почитании родителей, становились потом хорошими жёнами. Вот и семья Беловых, где он нередко останавливался, разъезжая по своим конторским делам, привлекла его. Мысль взять себе в жёны простую, не избалованную богатством девушку, пришла ему неожиданно. Он уже давно не грезил о всеобъемлющей любви, не желал никаких сердечных мук и терзаний. Ему просто нужна была крепкая семья и здоровые наследники.

Сейчас он сидел в своём живописном садике и чувствовал непонятную тоску. Неужели эта простая, полуграмотная девушка смогла завладеть его сердцем? Он вспоминал, как мило она краснела, смущаясь, как робела перед ним поначалу, как дрожала её рука, когда она шла рядом, опираясь на его руку. Он заметил восторг в её глазах, когда она приняла от него букет тюльпанов, тревогу за него, когда он, мокрый, выходил из пруда с парнишкой на руках. Видел, как самозабвенно обращалась она к Богу, стоя в церкви, и губы её шевелились. Хотел бы он знать, о чём она с ним говорила, чего просила в тот миг. Павел Иванович был абсолютно уверен, что союз их должен построиться исключительно на взаимном уважении и доверии, и не более того. Но стоило ей уехать, и он уже начал тосковать. Не ожидал он такого поворота, потому и сидел сейчас в недоумении. Эх, Аннушка, Аннушка...

В не меньшем недоумении возвращалась домой и его невеста. И чем дальше уезжала она от большого города, тем отчётливее понимала, что домой возвращается уже не той прежней Нюрой, а будто другим человеком. Её недавний мир был ограничен домом, семьёй и знакомыми с детства картинами лесов и полей. Теперь же в её душе был совсем иной мир, границы которого значительно расширились. Она окунулась в другую жизнь, о которой прежде и не подозревала, напиталась другими эмоциями, звуками, запахами. Она увидела, познала и вобрала в себя много нового и непередаваемо интересного. Звуки скрипки, не смолкая, металась в её душе, рыдали и пели, словно неведомый смычок касался её тонких струн. А мимо неё опять плыли берёзки да ели, облака бежали по небу вслед за коляской, и ясное солнышко слепило глаза.

– Интересно, что сейчас маменька делает там без нас? – произнесла в задумчивости Маруся.

– Наверное, она в огороде сейчас, с Лукерьей грядки полют, – так же задумчиво ответила ей Нюра.

– Ты что! Сегодня ведь Духов день! Забыла? Земля – именинница!

– Точно! Совсем запамятовала! Значит, отдыхают, у самовара сидят, пироги едят.

– Вот бы сейчас, как в сказке, оказаться дома, а не трястись по этим дорогам, не дышать пылью.

– Вот чугунок построят, – вмешался в их разговор отец, – тогда и будем часто к Нюре в гости ездить. И быстро! Говорят, на паровозе не два дня ехать придётся, а сколь-то часов и всё!

Нюра нахмурилась. А будет ли она жить-то там? Позволит ли Алёшенька стать ей чужой женой? Он грозится выкрасть её. А готова ли она бежать с ним и навсегда расстаться со своей семьёй? Тятенька ей этого не простит, она знает, значит, и дороги назад у неё уже не будет. Зато будет Алёша! И как ей этот сложный выбор делать? Снова тяжёлая грусть-тоска навалилась на девушку.

К вечеру второго дня путники добрались-таки до дома. Анфиса уже сидела под окнами на завалинке, ждала своих ненаглядных.

– Ну, слава Богу! Вернулись! – всплеснула она руками. – А я сижу тут, горюю.

– Да куда ж мы денемся! – рассмеялся Прохор, обнимая жену.

– Мало ли лихих людей на дороге! Всё, что угодно, может случиться!

– Ой, доченька, ой, красавица! – запричитала она, увидав Нюру в новом платье. – Ой, настоящая барыня! Дай-ка, я на тебя полюбуюсь! Это жених так тебя разрядил? Ай, какой молодец! Не жадный, я смотрю!

Нюра кивнула матушке в ответ, обнимаясь с нею.

– Здравствуй, Марусенька, здравствуй, душа моя! – обратилась мать к надувшей, было, губы дочери. – Не пожалела, что в эку даль поехала? Не притомила тебя дорога дальняя?

Маруся бросилась на шею матери, так ей хотелось расплакаться, как в детстве, и пожаловаться, что старшей сестре опять достаётся всё самое лучшее.

Тут за ворота вышли сияющие Иван с Лукерьей, откуда ни возьмись, появился Василко. Отец подал ему леденец в форме петушка на палочке и фигурный пряник. Тот, довольный, побежал хвастать друзьям своими гостинцами. Все вошли в дом. Прохор вынул из сундука по отрезу материи жене и снохе.

– А для тебя, сын, у меня гостинец особый, – улыбнулся он. – Пойдём во двор, покажу, какого товару железного я набрал.

Мужчины вышли. Во дворе отец открыл деревянный ящик, что стоял у него под сиденьем, и вынул оттуда новенький топор.

– Вот, Иван, это тебе! Думаю, пора нам ставить для вас с Лукерьей новую избу, а то негоже по ночам молодую жену во двор водить!

Иван растерялся, покраснел, а отец похлопал его по плечу и продолжал:

– Не тушуйся, дело молодое! Вот на Покров выдадим Нюру замуж и по первому снегу начнём лес валить да хлысты возить. Я уже делянку выхлопотал. А там, глядишь, и сруб скачаем.

– Спасибо, батя! – растроганно произнёс Иван. – Я как раз хотел с тобой об этом говорить. Вот Луша-то обрадуется! Похоже, понесла она опять, так что, даст Бог, зимой внука тебе народим.

– Хорошее дело! Спасибо за радостную новость, – улыбался отец, доставая из своего ящика железные петли, шарниры, скобы и прочие необходимые в хозяйстве вещи. – На-ко, снеси деду Степану вот этот ножичек, для лозы ему купил, глянь, вострый какой!

Анфиса быстро собрала на стол. Только все уселись, прибежал рыдающий Василко.

– Что такое опять приключилось? – строго спросила мать.

Тот ещё пуще залился слезами и ничего не смог выговорить.

– Ну, не иначе, как гостинец отобрали, – предположила Нюра.

– Пе... Пе.. Петька, – всхлипывая жаловался малец, – пе... пе... петушка выхватил, а я отнять хотел, он упал, и грязь налипла-а-а.

Он вынул из-за спины петушка, который так извалялся в дорожной пыли, что стал, как будто бархатным. Все дружно рассмеялись, а парень разревелся ещё пуще прежнего.

– Пойдём со мной, – сказала Нюра братцу, – сейчас мы его отмоем.

Она набрала в ковш воды и полила на леденец над тазом. Потом окунула его в кипяток и вручила Василке. Тот заулыбался и, забыв поблагодарить сестру, выскочил из избы.

– Как же всё-таки хорошо дома! – со счастливой улыбкой проговорила Нюра. – Так уже эта дорога надоела!

– Да, – подхватил отец, – недаром говорят, что в гостях хорошо, а дома – лучше! На то он и дом!

Глава 10

Допоздна Маруся с Нюрой рассказывали о своём путешествии. Вернее, рассказывала Маруся, Нюра лишь добавляла что-нибудь. Анфиса с Лукерьей всё повыспросили: как их приняли, чем кормили, богато ли в доме, как слуги себя ведут.

– Ну, что, доченька, – обратилась к Нюре мать, – захотелось тебе там хозяйкою остаться?

– Да какая из меня хозяйка? – отмахнулась Нюра. – Я и приказать-то не умею. Да и со слугами ровней себя чувствую. Это надо барыней родиться, чтоб командовать уметь.

– А из меня бы получилась хозяйка! – подхватила Маруся. – Вот я бы там навела порядок! Они бы у меня по струнке ходили!

Все дружно рассмеялись. Потом Маруся с удовольствием рассказывала про большие богатые дома, церкви и лавки, про Царский мост, про тюльпаны, с которыми Нюра вернулась с прогулки, про седого музыканта и его диковинную балалайку с палочкой. Все с интересом слушали, лишь Нюра сидела в задумчивости и только изредка отвечала на вопросы.

Постепенно жизнь вошла в свою колею. Поездка потихоньку стала отодвигаться в прошлое. Насущные дела способствовали этому. Девушки то работали в огороде, то по дому, а в свободное время читали книги, привезённые от Павла Ивановича. Нередко в послеполуденную жару усаживались они на лавку под тенистой черёмухой, что росла в их огороде, и поочерёдно читали вслух. Выходила Лукерья с каким-нибудь рукоделием и с удовольствием слушала, а иногда и матушка устраивала себе роздых между дел. Они вместе восхищались смелостью капитанской дочки, вставшей на защиту своего возлюбленного. Вместе горевали над судьбою несчастной Марьи Гавриловны, которая по причине жуткой метели была обвенчана с незнакомцем, а потом искренне радовались, что нашла она в Бурмине своего венчаного мужа. Веселились от проделок барышни-крестьянки и были счастливы, когда её загадка благополучно разрешилась.

– Кому-то нравится из барышни в крестьянку наряжаться, а наша Нюра, наоборот, из крестьянок в барыни пойдёт, – рассуждала Лукерья с улыбкой.

– Да! Не ко всем так судьба благоволит! – подхватила Маруся.

– Не завидуй, дочь, нехорошо это, – обратилась к ней Анфиса. – Зависть, она, как ржа, душу выедает. У каждого на роду своё написано, и надо уметь принять это с благодарностью. Не гневи Бога понапрасну. То, что отведено тебе, всё равно твоим будет. А на чужое зариться – грех большой. Лучше порадуйся за сестру.

– А это я так радуюсь! – выкрутилась Маруся.

Теперь у сестёр появились новые темы для бесед. Они порой рассуждали о поведении книжных героев, прикидывали, что было бы, поступи они как-то иначе, чем в книжке прописано. Особенно тронула девушек судьба бедной Лизы. Глаза их были влажными от слёз, когда они прочли, как несчастная бросилась в пруд.

– Вот ведь какой этот Эраст обманщик! – возмущалась Маруся. – Неужто все парни такие? Сначала посягают на девичью невинность, а когда добьются своего, тут же и отворачиваются!

– Ну, может, и не все такие, – отвечала ей Нюра. – Только лучше себя блюсти, не поддаваться греху.

– Помнишь, в прошлом годе Наташку рыжую Тихон Сивков обрюхатил? Он потом женился на ней, отец его заставил, а пересудов-то сколь было!

– Ну, да, помню, но он ведь с Лизой Марамзиной гулял тогда, а жениться на другой пришлось.

– А Лизу-то её отец тут же за кушвинского приказчика отдал, – начала вспоминать Маруся, – и, поговаривают, ребёночек у неё тоже раньше срока родился. Тихон-то наш и тут поспел!

– Выходит, что парням всё равно, с кем гулять-миловаться? Хоть и с двумя сразу? А как же любовь тогда?

– Да промежду ног у них вся любовь! – зло бросила Маруся.

– Нет, мой Алёша не такой, он любит меня, – растерянно произнесла Нюра.

– Ага, ты доверяй, сестрица, но ухо держи остро!

– А чего ж ты так раскипятилась-то? – удивилась Нюра.

– А ничего!

Тут к ним прибежал Василко. По его хитрющему взгляду Нюра сразу всё поняла.

– Ну, говори, с чем пожаловал, – с радостной улыбкой спросила она.

– Там, за огородами, ждёт тебя Алёшка, спрашивал, не выйдешь ли к нему.

Нюра опрометью бросилась к милому, было и радостно, и боязно. Он стоял, навалившись на прясло¹¹, и держал во рту какую-то травинку.

– Ну, здравствуй, красавица моя! – попытался он обнять её.

Нюра резко отстранилась, вдруг увидит кто.

– Похоже, я уже и не люб тебе после жениха-то, – с обидой в голосе сказал Алёша.

– Как ты можешь так думать? Негоже нам среди бела дня с тобой обниматься, я всё-таки невеста просватанная. Не ровён час, увидят да тятеньке расскажут – не сдобровать мне тогда.

– А когда стемнеет, сможешь? Приходи сюда ночью, я ждать буду. Я только на денёк выбрался из лесу с тобой повидаться, завтра обратно отправляюсь.

– Я постараюсь, Алёшенька. Отца дома не будет, он с братьями в ночное собирался, а сейчас я побегу, пока меня не хватились.

– Я буду ждать тебя в полночь!

До конца дня Нюра пребывала в тревожном ожидании. И с милым повстречаться ей хотелось, и страшно было. Да и день тянулся медленнее, чем обычно. Вечером они с Марусей пригнали коров из пасава, полили капусту на огороде, помогли матери с ужином, собрали туесок еды мужикам с собой в ночное. Вот уже и отец с братьями уехали, и спать все улеглись, и в доме тишина, а за окном всё не темнеет. Светлая июньская ночь – плохая подруга для тайных свиданий. Нюра лежала, прислушиваясь, все ли заснули. Тихо в доме, только ровное сопение спящих домочадцев слышится. Осторожно, чтоб не скрипеть половицами, пробралась она на цыпочках к двери, тихонько отворила её, вышла и с замиранием сердца спустилась с крыльца. Пробралась к воротам, с трудом отодвинула тяжёлый баут¹² и выскользнула со двора. Сердце бешено колотилось в груди, когда она бежала пустынным проулком вдоль огородов. Вот уже и милый её Алёшенька шагнул навстречу, широко раскинув руки, и она, забыв обо всём на свете, окунулась в его тёплые объятия. И снова сладкие поцелуи, и снова уходящая из-под ног земля да тихий шёпот милого друга – вот и всё, что было в мире сейчас, а больше ничего и не существовало.

Они опустились на мягкую траву и сидели, обнявшись. И никакие слова не нужны были, каждый слышал стук сердца другого и желал только одного – чтоб сердца их всегда бились рядом. Так ли уж многого желали они от жизни? Но даже и эту малость не хотела им дарить судьба.

– Расскажи-ка мне, Нюра, как твоя поездка? Не обижал ли тебя твой жених? – спросил Алёша с затаённой в голосе тревогой.

– Не переживай, родной, он был добр ко мне, всё было хорошо.

¹¹ *Прясло* – изгородь из длинных жердей.

¹² *Баут* – металлический засов в форме длинного болта

– Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе понравилось быть с твоим женихом? – слегка задиристо спросил Алексей.

– Мне было очень тоскливо без тебя, Алёшенька!

– И ни разу не возникло желания пойти за своего богатея? – пытливо выпрашивал он.

– Ну, что же ты такое говоришь? Как можешь ты думать такое? Мне ведь, окромя тебя, никто и не нужен.

И снова объятия, снова поцелуи, от которых так кружится голова. И вот земля уже поплыла куда-то, и голова вдруг оказалась на мягкой подушке из клевера, трава слегка щеко-чет шею, и под спиною чувствуется крепкая рука друга. А другая его рука вдруг оказывается под сарафаном, и тело пронзается сладкой дрожью. И томно, и страшно. Что же он делает? Возможно ли такое? Вот уже гладит он её колено, вот продвигается выше...

И вдруг в голове всплывает: «Эраст!»

Нюра мягко отталкивает руки любимого:

– Не спеши, родной, я ещё не жена тебе!

– А как же я могу не спешить, когда тебя другому отдают. Я хочу, чтоб ты была только моей.

– Я и буду только твоей, обязательно буду, когда... когда обвенчаемся. Отпусти меня сейчас, мне домой пора.

– Для богатея своего себя бережешь?! – совсем неласково крикнул ей любимый.

Сердце оборвалось у Нюры в этот миг, и она со всех ног бросилась бежать к дому, не разбирая дороги и спотыкаясь.

На завалинке сидел дед Степан, словно её дожидался.

– Присядь, внучка, отдышись, – сказал он ей. – А я вот сижу тут и думаю, пошто же у нас ворота не заперты? Знать-то сильно приспичило кому-то из дому сбежать.

Нюра молча села рядом, дед обнял её, и тут слёзы обиды хлынули из её глаз. Она никак не смогла сдержать их. Хоть и понимала девица, что Алёша не желал обидеть её своими словами, что это боль его прорвалась в них, что по-прежнему любит он её, а всё равно было как-то нехорошо на душе.

– Ну, что, гулёна, на свиданье бегала? – ласково спросил дед.

Она в ответ кивнула.

– Любовь, значит? А с женихом-то как же нам быть?

– Не знаю, дедушка, – всхлипывала Нюра.

– Жених-то твой совсем тебе противен али как? – обеспокоенно спрашивал дед.

Нюра задумалась. Ничего плохого не могла она сказать про Павла Ивановича, кроме того, что она просто не любит его.

– Настолько он тебе не люб, что и жить с ним невоготу будет? – продолжал выпрашивать дедушка. – Чем же он плох-то так?

– Да нет, дедушка, он хороший, добрый. Кабы я допрежь Алёшу не встретила, может и с Павлом Ивановичем была бы счастлива.

– А, может, еще и будешь счастлива? Это кровь в тебе сейчас играет молодая, а повзрослеешь и поймёшь, что отец с матерью только добра тебе желают. Ты, девонька, главное – глупостев не наделай, а жизнь, она разберётся, что к чему, она всё расставит по своим местам.

Вдруг в воротах неслышно появилась Анфиса:

– И чего вы тут бу-бу-бу устроили, спать людям не даёте?

– Да вот, я, как всегда, бессонницей маюсь, а тут внучка вышла по нужде, мы и заболтались, зарю дожидаемся, – ответил дед.

– Тебя, Нюрка, то не добудишься, то ты сама другим спать не даёшь! – заворчала матушка. – А ну-ка, марш домой! А вы, тятенька, тоже хороши, затеяли тут посиделки!

Дед Степан поднялся со словами:

– Пойдём внучка, попробуем заснуть, пока совсем не рассвело. А то мы с тобой и впрямь неправильно ведём себя, людям спать не даём.

Нюра послушно отправилась за дедом. Только разве ж заснёшь после такого? Она лежала и вспоминала своё ночное свидание в мельчайших подробностях. И чего это она на Алёшеньку обижаться вздумала? Ясно же, как божий день, что он истосковался по ней. Он сомневается в её верности. А как же иначе? Ведь она же ездила не к тётке в гости, а к жениху! Он, бедный, может, извёлся весь от ревности, а она убежала, да ещё обиделась. Теперь опять тосковать будут оба. А может, не стоило его отгалкивать? Отдалась бы своему чувству, уступила. Может, и лучше бы всё разрешилось. Разве Алёшенька бросил бы её, как Эраст бедную Лизу? Пали бы тятеньке в ноги, повинились да и попросили родительского благословения. Ну, поругался бы он, пусть даже выпорол её, а потом и благословил. Куда б ему было деваться-то? Ради счастья можно и через срам пройти. Но что-то всё-таки подсказывало ей, что поступила она правильно.

Глава 11

Глазом моргнуть не успели, как промчался июнь. Июль принёс дожди и грозы, боялись, как бы совсем не залило покосы. Но вскоре погода установилась. Сенокос начали, как и полагаётся, сразу после Петрова дня. Травы к той поре уже успели осемениться. И зазвучал по вечерам над дворами перезвон усердно отбиваемых кос.

– Сначала выкосим дальний покос, на Актае, а потом уже этот, на низах, – объявил Прохор семье своё решение. – Если ведро¹³ постоит, с первым управимся быстро, а там, Бог даст, и второй начнём.

И Бог дал, погода не подвела. За четыре дня Прохор с Иваном и двумя нанятыми работниками управились с косьбой на первом покосе. Выходили они до рассвета, по росе, и возвращались по первому зною. Женщины тоже без дела не сидели, разбивали кошенину – ворошили скошенную траву, чтоб она лучше просыхала. Пришло время, и стали собираться на гребь.

С утра погрузили на телегу грабли, вилы, верёвки. Собрали в туес нехитрую еду. Анфиса вынесла большой бидон кваса, котелок для каши и второй – для чая. Лукерью оставили домовничать. Она была уже на третьем месяце, и тяжело переносила жару. Иван всячески старался оберегать жену, чем вызывал добрые улыбки своих родственников. Лошадей запрягли в две телеги. Вот уже все расселись. На одной из подвод за возницу был Иван, а на другой вызвался править Василко. Он взялся за вожжи, натянул их и громко, подражая отцу, крикнул Ласточке:

– Нно! Пошла, сонная тетеря!

Но лошадь не спешила двигаться с места, стояла и размахивала хвостом. Прохор слегка хлестнул её и прикрикнул своим зычным голосом. Тогда Ласточка потихоньку двинулась, а Василко обиженно засопел.

– Не горюй, сынок! Она к тебе попривыкнет немного и будет слушаться! – утешил сына Прохор. – Ты только не трусь, надо, чтоб она силу твою почуяла, твоё главенство.

Июльское послеполуденное солнце нещадно палит. Мокрая рубаха прилипла к спине, сарафан, надетый поверх неё, совсем не даёт дышать телу, да еще и назойливые пауты¹⁴ то и дело садятся на спину. Нюра уже устала отмахиваться от них. Лёгкие деревянные грабли ловко двигаются в её руках. Дурманящий запах скошенных трав, как всегда, навевает сладкие грёзы. Мысли уносятся далеко, к последней встрече с Алёшенькой, а руки продолжают размеренно работать. Они встретились случайно возле продуктовой лавки неделю назад. Мать послала Нюру купить маслица да сахарку, и она шла в задумчивости, не подымая глаз. А когда уже приблизилась к лавке, увидела Алексея. Он только что вышел с покупками, стоял и улыбался ей своей доброй улыбкой. И так стало хорошо на душе, так тепло, словно и не было никаких обид. Они по-доброму поговорили, Алёша угостил Нюру пряничком. Сказал, что ездил в кушвинскую контору золото сдавать, да вот за продуктами зашёл. Тётка ему баню топит, а назавтра, с утра пораньше, он опять на прииск отправится. Странно, но он больше не просил её о встрече, не говорил о своей любви, сказал только, что скоро у него будет достаточно денег, чтобы сбежать с нею и жить безбедно.

– Нюрка, опять ты гребешь взад пятки! – неожиданно раздаётся голос отца. – А ну, шагай вперёд!

Она поднимает глаза на тятеньку, споро подхватывающего на трёхрогие деревянные вилы сгребённый ею валок, а тот уже продолжает:

¹³ Ведро – сухая солнечная погода, без дождей

¹⁴ Паўт – овод

– Манька, а ты чего отгребашься? Шагай вслед за сестрой! Да не оставляй за собой кошенину, почаще гребь, вон какой клочок пропустила! Эту елашку¹⁵ закончим и будем обедать, – продолжает командовать отец. – Анфиса, начинай кашу варить, Василко там тебе костровище наладил. А девки тут уже одни управятся, немного осталось. Да не пойте вы «Разлуку», когда работаете, пойте «...сени, мои сени!», дело-то быстрее пойдёт!

К этой шутке отца все давно привыкли, каждое лето на покосе она повторяется вновь и вновь. Но, что удивительно, после неё каждая из них и в самом деле начинает мысленно петь «ах, вы, сени, мои сени...», и темп работы сам собой ускоряется.

Иван с отцом складывают сено на волокуши, изготовленные из двух срубленных берёзок, и вытягивают его на соседнюю елань, где будет ставиться зарод¹⁶, для которого в самом центре уже заготовлено место. Маруся старается шагать вслед за сестрой, подхватывая и отгребая то, что подгрести Нюра. На правой ладони уже появилась первая мозоль, видимо, слишком крепко уцепилась она за черенок грабель. Хорошо, что впереди отдых, надо будет найти листик подорожника да привязать к мозоли. После обеда отец обычно разрешает всем с часок отдохнуть: подремать в тени кустов или побродить в ближайших зарослях, поесть костяники да белобоккой ещё брусники. Анфиса уже расстелила под елью старенькую скатерть, выложила на неё хлеб, варёные яйца, зелёный лук, первые огурчики, маленькие и пупырчатые, да настряпанные с вечера налёвные¹⁷ шаньги. В котелке аппетитно фырчит овсяная каша. В другом настаивается ароматный чай. В него добавлены листья малины и смородины, которые Василко сорвал поблизости. Что может быть лучше обеда на свежем воздухе, да еще после хорошей работы?!

Только сели есть, Маруся подхватила и убежала в кусты.

– Чего это с ней? – недоумённо спросил отец.

– Видимо, перегрелась на солнышке, – предположила Анфиса, – эка страсть, как припекает!

Дочь вернулась бледная, есть больше не стала, только чаю попила.

– Иди-ка, полежи в тени, полегчает, – предложила Марусе мать, с тревогой вглядываясь в её лицо. – Нюра, там Василко студёной воды принёс из ключика, намочи тряпицу да ко лбу ей приложи.

Нюра принесла сестре компресс и села рядом с ней в тени.

– Скажи-ка честно, сестрица, что это с тобой такое приключилось? – шёпотом спросила она. – Ты и утром сегодня из-за стола тихонько улизнула, и вчера тоже. Неужто и на тебя какой ни то Эраст нашёлся?

– Нюр, отстань! И без тебя тошнѣхонько!

– Я просто помочь тебе хочу.

– Тут уже ничем не поможешь, теперь только к повитухе идти.

– Ты сдурела что ли? Грех-то какой! Убить своё дитя! – возмутилась Нюра. – Говори мне сейчас же, кто это сделал? Чей ребёнок?

– Ну, чей-чей! Сама не догадываешься, что ли?

– Неужто Санко?

– А кто же ещё!

– А он-то хоть знает?

– Ничего он не знает!

– Надо срочно сказать ему – пусть сватается!

– Какое сватовство? Самая страда! А там ещё и жатва впереди! Тятенька убьёт меня! И его тоже!

¹⁵ Елашка (елань) – поляна

¹⁶ Зарод – большой стог с деревянными опорами по краям

¹⁷ Налёвные шаньги – шаньги без начинки, политые сметаной с сахаром

– Ты хоть любишь его, беспутная?

– Не знаю я ничего! Какая мне любовь теперь? Свету белому не рада!

Нюра тяжело вздохнула. И как она допустила, чтобы с Марусей беда приключилась? Она со своей любовью обо всём на свете позабыла, а надо было приглядывать за меньшей-то сестрицей! Анфиса бросает подозрительные взгляды на шепчущихся дочерей. Ох, не нравится ей это!

Отдохнув, продолжили работу, а Марусе разрешили остаться в тени, как бы хуже не стало. Нюра с матерью гребли, отец носил сено к зароду, а Иван метал наверх, куда подняли Василку, чтоб принимал его и равномерно утапывал там. Когда всё было сгребено и отмётано, зарод очесали граблями, обвязали верёвками и стали собираться домой. На одну из телег уже был нагружен воз сена, чтоб не ехать порожняком, на другую уселась семья. Нюра всю дорогу до дома сидела в глубокой задумчивости, надо как-то помогать сестре. Она не знала, что же такое придумать, чтоб гнев родителей был не слишком суров, и решила, что в первую очередь поговорит с Санком.

Назавтра она тайком ото всех отправилась в кузню. Ей повезло, там как раз был Санко. Он очень удивился, увидев Нюру. Обычно с заказами приходили мужчины.

– Санко, я пришла к тебе требовать, чтоб ты посватался к Марусе! – начала она сурово.

– Да я бы с радостью, но она сама сказала, что только после твоей свадьбы, – ответил парень.

– Ты не понял, надо срочно свататься, пока ещё не очень поздно, – настаивала Нюра.

– А что за срочность-то? – недоумевал Санко. – Какая муха тебя укусила?

– По-моему, это вас с ней бешеная муха покусала, натворили делов!

И тут, наконец, до парня дошло:

– Она, чё, это... понесла что ли?

– Ну, слава Богу, уразумел!

– А как?... А чё?... Страда же? Какая щшщас свадьба? Мне батя такую свадьбу устроит! Дрыном по спине! У нас ещё и дом новый до конца не достроен. Сами у соседей живём! Мне щас жениться точно не дадут! – запричитал Санко.

– Раньше-то ты о чём думал? – рассердилась Нюра. – Напакостил – отвечай! Не то смотри, ещё и от нашего тятеньки дрыном получишь!

– А он уже знает? – испугался парень.

– Скоро узнает! – резко ответила Нюра и пошла.

– Нюр, стой, подскажи, чего мне делать-то теперь? – крикнул он вдогонку.

Нюра вернулась, ей стало жаль парня.

– А вы обвенчайтесь с Марусей тайком от всех, а потом родителям в ноги упадите и повинитесь. Простят! Главное – вы их от работы не оторвёте!

Санко задумался:

– А ты уверена, что простят?

– А куда им деваться-то? Поругают, конечно, не без этого. Может, и по спине достанется.

– Тогда передай Марусе, пусть завтра к полудню в церкву приходит, а я попробую уговорить батюшку, чтоб обвенчал нас.

Вот так, благодаря Нюре, Маруся вышла замуж. Пришли они из церкви, пали в ноги родителям и испросили прощения и благословения. Прохор вскипел было, но Анфиса так на него глянула, что он тут же поутих. Чего уж теперь-то кипятиться? Молодые попросили разрешения поселиться пока здесь, в беловском доме, не к соседям же Санко молодую жену поведёт. Призадумались хозяева, куда ж их селить? Опять же, и отказать нельзя. Не гнать же из дому родиму дочь! Потом порешили отдать пока молодым горницу, где гости проезжие останавливаются.

– А гостей куда селить будем? – сурово спросил Прохор.

– А к кучерам, в возницкую, – нашлась Анфиса. – Завтра девки там приберут, помоют, поставим перегородочку и будем туда поселять. А кому не понравится, пусть другой постоянный двор ищут!

Пришлось Прохору согласиться, деваться-то некуда.

Потом молодые отправились в семью жениха. Крутой нрав Петра Кузнецова был известен всему заводу, и Маруся очень даже боялась идти туда. Но, сделав первый шаг, надо шагать и дальше. Ох, и покипятился же новоявленный Марусин свёкор!

– Отца позоришь! В примаки собрался?! У нас дел невпроворот, а он жениться вздумал!

Маруся стояла ни жива ни мертва, уцепившись за рукав мужа. Свекровь её, Акулина Власьевна, сидела за столом, насупив брови, а золовушки, Фрося да Дуся, хитро прищурясь, поглядывали на непутёвую невестушку из-за печи. Они-то честные девушки! Они не такие! Санковых братьев, Егора и Ефима, дома в этот час не было, они работали в кузне.

Наконец отец отбушевался, дал им своё благословение на семейную жизнь, молодые откланялись и вышли из избы. Санко облегчённо выдохнул:

– Ну, вот, слава Богу, всё самое страшное уже позади!

– А впереди чего? – спросила Маруся.

– Как чего? Медовый месяц! – расплылся в улыбке молодой муж.

Глава 12

Нюра и сама не ожидала, что ей удастся так быстро решить судьбу сестры. Та была ей очень благодарна и постоянно повторяла:

– Какая же ты у меня умница, сестрица! Как всё ладно придумала да подсказала. Только вот негоже было мне вперёд тебя замуж идти. Ты прости меня, я ведь не хотела тебе дорогу перебежать.

Нюра только махала рукой в ответ, дескать, о чём тут толковать, дело уже решённое, и слава Богу.

– Я буду молиться, чтоб и у тебя всё хорошо сложилось! С двумя-то женихами! Хоть один из них всё равно женится на тебе, – не унималась Маруся.

– Молись, чтоб у тебя самой всё хорошо было, да ребёнок здоровенький родился, – отвечала ей Нюра.

Оказалось, что устроить сестрину судьбу намного проще, чем свою собственную.

Мужики с утра отправились косить, они уже и второй покос завершали, Анфиса пошла с ними. Дома, кроме Лукерьи, которая прилегла отдохнуть, никого не было. Девицы сидели в горнице, они дошивали красный сарафан. Матушка заготовила материю для старшей дочери, а она сгодилась для младшей.

– Я не хотела твоё забирать, честно! – заверяла Маруся. – Ведь получается, что сарафан этот должен быть твой, а он мне достался. Только в Екатеринбурге он тебе всё равно не нужен. Не станет Павел Иванович в сарафаны тебя обряжать, он тебе богатых платьев опять надарит.

Нюра и забыла уже про свои городские наряды. Одно из платьев, светло-зелёное, так и лежало в сундуке ни разу не надёванным. Но скоро у неё будет возможность погулять в нём. Павел Иванович прислал с оказией отцу письмо, в котором сообщил, что на Ильин день у него будут дела в тагильском заводе, где он задержится на целую неделю. Предложил ему приехать туда с Анной, чтоб у него была возможность пообщаться с невестой и окончательно решить все вопросы со свадьбой. Прохор прикинул, что с покосом к той поре будет уже покончено, а до жатвы еще останется немного времени, и послал ответ, что они с Нюрой обязательно будут.

– Хоть одну дочь выдам по-людски, – рассуждал Прохор, – а то Маруся начудила, без свадьбы нас оставила, а пока покос да жатва, там уже поздно будет им свадьбу играть, скоро брюхо на нос ползет.

Предстоящая поездка опять встревожила Нюру. Всё это время, с момента возвращения из Екатеринбурга, она старалась не думать о Павле Ивановиче. Ей было стыдно оттого, что она его как будто обманывает, что даёт ему ложную надежду. Он был добр с ней, и она не может отплатить ему чёрной неблагодарностью, просто так взять и сбежать с Алёшей. И потому она решила, что в этот раз непременно найдёт способ поговорить с ним наедине. Она всё ему объяснит и попросит отказаться от неё, не ломать ей жизнь. Тогда отцу придётся принять Алексея. К тому же, Алёша скоро тоже будет богат, и у тятеньки не будет повода отказать ему снова.

В горницу, тяжело дыша, ворвался Василко:

– Нюра, я тебе поклон принёс!

По его хитро прищуренным глазам сестра сразу поняла, от кого поклон.

– Сядь, отдышись и рассказывай, – спокойно проговорила сестра. – Сначала скажи, как ты здесь оказался? Ты же на покосе был.

– Ой, там столько мошкары, меня совсем заели, я и убежал, тятенька меня отпустил! – взхлёб начал рассказывать Василко. – А по дороге встретил Алёшку, он с реки шёл с удочкой, рыбу на низах ловил.

– Значит, он опять в посёлке? – удивилась Нюра.

Странно, что её ненаглядный больше не ищет с ней встречи, не приходит, не вызывает через братца.

– Пока по дороге шли, он всё про тебя выпытывал, – продолжал малец. – Я рассказал, что вы с тятей скоро в Тагильский завод поедете на встречу с женихом. А он просил известить его, как только вы уедете, а ещё передать тебе, что время пришло, и чтобы ты взяла с собой какой-то песок. А какой песок, Нюра? Что-то я ничего не понял.

– Да я и сама не поняла, – ответила сестра и задумалась.

Она, конечно же, всё поняла: Алексей готов к побегу. А она? Она готова? На этот вопрос у Нюры нет ответа.

Со вторым покосом управились ещё быстрее, чем с первым, ведь в семье добавились ещё одни мужицкие руки. Вскоре всё сено было привезено и отмётано на сеновал. Обычно Маруся с Нюрой любили ночевать на свежем сене. Они брали с собой два лоскутных одеяла: одно стелили прямо на сено, другим укрывались. Здесь можно было поболтать и посмеяться вволю, не мешая домочадцам, а потом провалиться в крепкий сон, которому способствовал насыщенный запах сухих трав. Обычно перед сном они долго рассказывали друг другу всякие истории, связанные с домовыми, дворовыми, банниками да овинниками. Брать свечу на сеновал родители не разрешали, не дай Бог, сено вспыхнет! Было страшно лежать в крошечной темноте, прислушиваться к шорохам и представлять, как сейчас появится перед ними какое-нибудь маленькое диковинное существо. Они прислушивались к шорохам и вздрагивали от неожиданных звуков. Пока Иван не был женат, он всегда ночевал там с сестрами, и с ним, конечно, было веселее. Теперь вот и Маруся выбыла из этой компании. Нынче на сеновал с Нюрой отправился Василко. Они забрались наверх по деревянной лестнице, приставленной к лазу, постояли немного, подождали, пока глаза привыкнут к темноте, потом вскарабкались на сено и устроили себе лежанку.

– Нюра, а расскажи мне про день и ночь, – попросил Василко. – Как так получается, что на дворе то светло, то темно?

– Живут на свете братец и сестрица, – начала Нюра. – Братца зовут День, он лицом светел и улыбкой добр. А сестрица его, по имени Ночь, лицом темна да взглядом сурова. И нет мира между ними, потому как великие они раздорники, несмотря на то, что родня близкая...

– Чего ты мне сказки рассказываешь, как маленькому? – возмутился братец. – Вот Петька сказал, что земля наша круглая, как шарик, и вертится она вокруг солнца, и какой стороной повернётся к нему, там и день, а в другом месте – ночь! Это правда?

– А с чего твой Петька придумал это?

– Он не придумал, ему старший брат сказывал, Стёпка, он на каникулы приехал. Он умный! В реальном училище учится!

– Ну, если ты от умных людей знаний набираешься, то чего ко мне пристаёшь? – проворчала Нюра.

– А я не могу поверить в это! Если бы земля шариком была, мы бы все с него просто свалились!

– Вот ты того умного Стёпку и спроси, почему мы до сих пор не свалились с этого шарика.

– Да я спрашивал, только ничего не понял из его рассказа.

– Значит, надо подрасти тебе, тогда и поймёшь.

– Вот и Санко мне это же сказал.

– А ты и к нему приставал с этим шариком?

– Неее, не с шариком. Бабы у колодца говорили, что он нашу Марусю обрюхатил, ну, я и спросил у него, что это значит – обрюхатил.

Нюра рассмеялась:

– Спи уже, любопытная Варвара! Вырастешь – и всё узнаешь!

Василко отвернулся, обиженно сопя, и вскоре его дыхание выровнялось – малец сладко спал. Нюре не спалось от дум её горьких. На душе было тревожно. Завтра, после полудня, они с тятенькой должны выезжать в Тагильский завод, чтоб до заката уже быть там, а наутро свидеться с Павлом Ивановичем. Алёша, видимо, хочет отправиться вослед за ними. Знать бы, что он удумал. Хоть бы посоветовался с ней, обсудил свой план. А он молчит, даже попыток не делает приблизиться к ней. Как-то бы передать ему, что она попробует миром договориться со своим женихом. А как передашь? Василке доверять боязно – мал он ещё, вдруг родителям выдаст. Может, Марусю попросить? Только где ж она его искать станет? Да и не до того ей сейчас. И Нюра решила положиться на судьбу. А что же ей ещё остаётся?

С утра всех переполошил нарочный от Павла Ивановича. Тот прислал письмо, что снял квартиру в доходном доме торговца Лошкарёва на углу улицы Александровской и переулка, ведущего к Вшивой горке. Чтоб ехали сразу туда, квартира большая, места хватит на всех, к тому же во дворе есть конюшня. Такая новость пришлась Прохору по душе, и он стал готовиться к поездке. Нюра уложила в дорожный сундучок свои наряды, а меж оборками платьев схоронила мешочек с золотым песком. Выехали, как и планировали, после обеда. Когда укладывали вещи в повозку, пошёл мелкий дождичек.

– Ну, вот, как раз на Илью и задождило, – сказал отец, поднимая верх у коляски. – Дождь в дорогу – добрая примета.

– И то, правда! – подхватила Анфиса. – Доброй вам дорожки!

Нюра обняла на прощанье мать и сестрицу, поцеловала в макушку Василку и села в повозку. Она едва сдерживала слёзы. Вдруг так сложится, что она больше никогда не увидит своих близких? Увезёт её Алёша в даль далёкую, и останется она навеки без своей семьи. Как же трудно выбирать между любимыми людьми! Но где-то в глубине души она всё-таки ещё надеялась, что судьба освободит её от столь тяжкого выбора.

Дорога оказалась не такой уж утомительной, и часа через три Прохор с Нюрой въезжали во двор дома, указанного Павлом Ивановичем. Пока Прохор распрягал лошадей, лакей вызвался отнести вещи, он знал, где остановился господин Смирнов из Екатеринбурга. Нюра пошла за ним. Павел Иванович встретил её широкою улыбкой:

– Аннушка, голубушка, ну, здравствуй! Как же ты хороша, душа моя!

Он поцеловал ей руку, она вежливо поклонилась, в душе удивившись тому, что и она рада своему жениху, как старому доброму другу. Он показал ей комнату, где она может расположиться. Расспросил про дорогу, про семью, про Марусю, которой почему-то в этот раз не было с нею, у него создалось впечатление, что сёстры никогда не разлучаются. Нюра отвечала на его вопросы и совсем не испытывала страха, как прежде. Павел Иванович спросил, прочла ли она его книги, понравилось ли ей, сказал, что привёз ей ещё один том Пушкина.

Подошедший Прохор прервал их беседу. Павел Иванович предложил всем вместе отужинать в местном трактире. За столом опять вели неспешные разговоры. Жених сказал, что завтра он приглашён на вечер к купцу Уткину, где собирается представить Аннушку в качестве своей невесты. Там будут самые знатные и богатые тагильчане. Нюра испугалась, она никогда не бывала на таких приёмах и не знала, как себя вести. Она попыталась отказаться, на что Павел Иванович ответил, что он будет рядом и поможет в трудный момент. И вообще, надо Аннушке привыкать выходить в свет, ведь она скоро станет женой крупного чиновника, и ей придётся бывать вместе с ним на важных приёмах. В этот миг в трактир вошёл какой-то парень, и Нюре показалось, что это Алексей. Она разволновалась, опустила глаза. Потом всё-таки попыталась его разглядеть, но лица парня толком не видно, картуз надвинут на самые глаза. Неужели он всё-таки приехал следом за ней? Значит, он не отступит от задуманного. Когда она снова подняла голову от тарелки, парня уже нигде не было. Может, ей просто показалось? Что же делать, если повсюду ей Алёшенька мерещится! Она еще больше укрепилась в своём желании откровенно поговорить с Павлом Ивановичем, но тятенька был постоянно с ними, и ничего у неё

не получилось. Засыпая, она дала себе слово, что завтра непременно расскажет всё жениху, и тогда ей не придётся идти с ним на этот званый вечер.

Глава 13

Утром Павел Иванович отправился по делам, а Нюра с отцом вышли на базарную площадь, которая находилась недалеко от доходного дома. Поговорить с женихом опять не получилось. Ну, что ж, придётся отложить на потом. Нюра побоялась оставить в съёмной квартире Алёшин мешочек с золотым песком и предусмотрительно взяла его с собой. Чем там без прищотру лежать, так пусть уж лучше в кармане, который надёжно укрыт между клиньями её широкого сарафана. Отец прошёл вперёд вдоль торговых рядов, а Нюра задержалась возле калашного ряда, разглядывая затейливые плетёные калачи. Вдруг кто-то подошёл к ней вплотную и встал рядом, она повернула голову и ахнула – это был Алёша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.